К30 3/33.

Проф. Е. В. Тарле.

ИМПЕРАТОРЫ ■ ■ ■

Вильгельмъ II

и Николай II

въ 1904—1907 гг.

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Николаевская 82.
1917.

Проф. Е. В. Тарле.

ИМПЕРАТОРЫ ■ ■ ■ Вильгельмъ II и Николай II въ 1904—1907 гг.

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Николаевская 82.
1917.

395

№ 18831
18 - XII - 1929

Императоры Вильгельмъ II и Николай II въ 1904—1907 г.г.

Неизданная переписка.

Предъ нами лежатъ строго-конфиденціальныя телеграммы, которыми въ 1904—1907 г.г. обмѣнивались помимо и безъ вѣдома своихъ министровъ германскій и русскій императоры. Многое въ этой корреспонденціи весьма любопытно съ точки зрѣнія исторіи международной политики; для исторіи внутреннихъ русскихъ событій, происходившихъ въ это время, переписка даетъ очень мало. Хранились эти телеграммы въ такъ называемой Собственной Е. В. походной канцеляріи.

Императоръ Вильгельмъ II обрисовывается въ этой тайной корреспонденціи въ болѣе яркомъ видѣ, чѣмъ его другъ. Предъ нами человѣкъ, зорко и умѣло блюдущій интересы своей родины, ставящій себѣ точную дипломатическую задачу и неуклонно стремящійся къ ея разрѣшенію. Ему нужно во что бы то ни стало образовать противъ Англіи союзъ трехъ великихъ континентальныхъ державъ; достиженіе этой цѣли въ моментъ, съ котораго начинается попавшая въ мои руки переписка, значительно облегчено тѣмъ, что Россія находится въ войнѣ съ Японіею и въ рѣзкой дипломатической враждѣ съ Англіею. Значитъ, рѣчь идетъ только о томъ, чтобы заставить Францію порвать заключенное съ Англіей 8 апрѣля 1904 года соглашеніе и примкнуть къ русско-германской комбинаціи.

Но какъ это сдѣлать? Вильгельмъ понимаетъ, конечно, что Франція ни за что не согласится совершить этотъ актъ, который поставилъ бы ее въ вассальную зависимость отъ Германіи. Онъ пришелъ къ этому заключенію не только путемъ чисто логическимъ, но на основаніи самыхъ положительныхъ и многочисленныхъ фактовъ. Вѣдь, втеченіе почти десяти лѣтъ, съ 1894 года по 1903 годъ, германскій императоръ не щадилъ усилій, чтобы привлечь Францію въ фарватеръ своей политики. Любезность, предупредительность, обѣщанія — все было пущено въ ходъ, и временами, особенно въ эпоху фашодскаго инцидента (1898—1899 г.г.) и бурской войны (1899—1902), могло казаться, что задача, поставленная себѣ германскимъ императоромъ вовсе не такъ ужъ далека отъ разрѣшенія. Но едва только дѣло доходило до приступа къ болѣе положительнымъ и принципіальнымъ согла-

шеніямъ,—какъ все разстраивалось, и выведенная съ большими усиліями дипломатическая постройка разлеталась, какъ карточный домикъ. Съ того момента, какъ взошелъ на англійскій престолъ король Эдуардъ VII, а, въ особенности, со времени образованія англо-французской entente cordiale (въ 1904 году) для Вильгельма II, повидимому, стало ясно, что къ дѣлу нужно попытаться подойти инымъ путемъ. Нужно заключить сначала тайно формальный договоръ съ Россіей, а ужъ затѣмъ внезапно поставить правительство французской республики предъ совершившимся фактомъ. Тогда Франціи нужно будетъ либо немедленно примкнуть къ уже создавшейся комбинаціи,—и континентальный союзъ противъ Англіи будетъ на лицо,—либо разорвать франко-русскій союзъ и считаться съ близкою перспективою германскаго нападенія. Императоръ имѣлъ всѣ основанія разсчитывать на то, что Франція выберетъ первый исходъ.

Что Вильгельмъ II усматривалъ 99 процентовъ успѣха всей затѣи именно въ соблюденіи строжайшей предварительной тайны,—это весьма понятно. Что русскій императоръ, союзникъ Франціи, съ готовностью на это пошелъ, что тайный договоръ между двумя монархами былъ подписанъ безъ вѣдома Франціи, съ которой у Николая продолжали сохраняться наисердечнѣйшія отношенія, что этотъ тайный договоръ дѣлалъ Германію госпожею положенія въ Европѣ и прочно отдавалъ въ ея руки Россію, это, конечно, было результатомъ, которымъ германскій императоръ былъ вправѣ гордиться. Правда, обстоятельства сложились такъ, что оказалось болѣе цѣлесообразнымъ использовать этотъ договоръ нѣсколько иначе, чѣмъ предполагалось; онъ не былъ внезапно предъявленъ Франціи съ требованіемъ примкнуть къ комбинаціи. Но, все равно, фактически франко-русскій союзъ съ этого времени на нѣсколько лѣтъ прекратилъ свое существованіе. Что получила Россія отъ этого тайнаго дѣянія ея монарха? Рѣшительно ничего; напротивъ, этотъ договоръ дипломатически завершилъ то, что путемъ войны начала Японія: вывелъ Россію изъ строя державъ, съ интересами которыхъ нужно считаться. Если бы Россія открыто порвала съ Франціей и вступила въ союзъ съ Германіей въ 1904—5 г.г., это имѣло бы очень много невыгодъ и очень мало выгодъ; но вступать въ договоръ тайный, значило получить только ущербъ, ужъ безъ всякихъ возможныхъ выгодъ. Именно это и было сдѣлано императоромъ Николаемъ II.

Таково главное дѣло, къ которому стремился Вильгельмъ II въ эти годы. Конечно, переписка занята вовсе не только этимъ однимъ. Между монархами существовали еще тѣ дружескія личныя отношенія, которыя ни для кого не были секретомъ. «Дядя Альбертъ», «дядя Берти» (т. е. король Эдуардъ VII), родственникъ обоихъ корреспондентовъ, поминается императоромъ Вильгельмомъ въ уважительномъ тонѣ; императоръ (въ телеграммѣ № 1) даже высказываетъ увѣренность въ его миролюбіи. Но уже съ 1906 года тонъ Вильгельма становится все болѣе сухимъ: вліяніе короля на

русское правительство дѣлается все замѣтнѣе. Печатая англійскій текстъ телеграммъ, я ограничусь здѣсь указаніями на тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ сколько нибудь существенный интересъ.

Пачка, находящаяся въ моемъ распоряженіи, начинается телеграммою изъ Киля, отъ 16 іюня 1904 года; дѣло было въ разгаръ русско-японской войны, и германскій императоръ не устаетъ расточать соболѣзнованія, поздравленія, совѣты. Николай благодаритъ, поясняетъ и снова благодаритъ. Бѣгло упоминаетъ (№ 3, 21 іюня 1904 г.) о договорѣ, подписанномъ Витте и канцлеромъ Бюловымъ,—томъ самомъ торговомъ договорѣ, который на десять лѣтъ значительно закабалилъ Россію, и выражаетъ по этому поводу надежду, что Вильгельму пріятно крейсировать (тотъ, по обыкновенію, въ это время совершалъ въ своей яхтѣ прогулку по Сѣверному морю). Но Вильгельмъ говоритъ совсѣмъ инымъ тономъ, когда интересы его страны сколько нибудь затронуты: «русскій пароходъ, назвавшійся крейсеромъ «Смоленскомъ», остановилъ пароходъ германскаго Ллойда «Принцъ Генрихъ» и отобралъ всѣ почтовые тюки, содержавшіе корреспонденцію въ Японію. Этотъ актъ, нарушеніе международнаго права, вызоветъ большое удивленіе и раздраженіе въ Германіи. Принимая во вниманіе дружественныя чувства, обнаруживаемыя нашею страною по отношенію къ Россіи, въ случаѣ повторенія, я боюсь, что это посодѣйствуетъ значительному уменьшенію симпатіи, которую еще питаетъ Германія къ Вашей странѣ». Николай извиняется. Но проходитъ еще нѣсколько дней, русскій крейсеръ захватываетъ нѣмецкій пароходъ «Скандію», и Вильгельмъ уже рѣзко требуетъ прекращенія этихъ случаевъ, говоритъ о «пиратствѣ» и грозитъ «международными осложненіями». Даже подписывается не «Вилли», какъ всегда, а строго: «Вильгельмъ». Николай опять извиняется. Очень интересна телеграмма Вильгельма отъ 8 октября 1904 г. (№ 10). Вильгельмъ выражаетъ надежду, что запертый въ Портъ-Артурѣ русскій флотъ нападетъ на японскій флотъ и, хотя самъ можетъ и погибнуть, но такъ ослабитъ врага, что подготовитъ этимъ «побѣдоносный успѣхъ» Балтійскаго флота, который, прійдя въ восточныя воды, «легко» одержитъ успѣхъ надъ японцами. «Тогда власть надъ моремъ вернется къ вамъ,—и японскія сухопутныя силы—въ вашихъ рукахъ; тогда вы возглашаете: «общее наступленіе»! вашей арміи,—и врагъ—hallali!»... Что это такое? Прикидывался ли Вильгельмъ вѣрящимъ въ эту безумную фантастику? Или въ самомъ дѣлѣ, былъ искрененъ? Германскій императоръ всегда былъ окруженъ морскими спеціалистами и отлично былъ освѣдомленъ о всѣхъ условіяхъ дальневосточной войны. Не будемъ же оскорблять его воинской репутаціи предположеніемъ, что онъ могъ искренно вѣрить въ успѣхъ того плана побѣды надъ японцами, который съ полною готовностью предлагалъ своему другу.

Вполнѣ естественно также, что Вильгельмъ слышать ничего

не хочетъ о преждевременномъ мирѣ Россіи съ Японіей: столь дорога ему честь Россіи! Извѣщая Николая о дошедшихъ до него свѣдѣніяхъ касательно японскихъ попытокъ начать мирные переговоры, онъ пишетъ (8 октября 1904 г., № 11): «это показываетъ, что Японія приближается къ предѣлу своихъ силъ въ людяхъ и деньгахъ... Насколько я знаю, ваши идеи о дальнѣйшемъ развитіи войны,—и еще послѣ тяжкихъ неудачъ—вы, конечно никогда не приложите руку къ подобному дѣлу»... Императоръ Николай спѣшитъ успокоить своего друга: «Вы можете быть увѣрены, что Россія будетъ въ этой войнѣ сражаться до конца, и пока послѣдній японецъ не будетъ изгнанъ изъ Манджуріи... Сердечно благодарю за вашу лояльную дружбу, которой я вѣрю больше всего» (№ 12).

Отправкою эскадры Рожественскаго германскій императоръ чрезвычайно интересовался, и даже сдѣлалъ попытку на этой почвѣ сразу, безъ всякихъ тайныхъ договоровъ, оторвать Францію отъ Англіи. Рѣчь шла о протестѣ Японіи и Англіи противъ снабженія углемъ русской эскадры во время слѣдованія ея на востокъ. Вильгельмъ предлагаетъ Николаю «напомнить Вашей союзницѣ Франціи» объ ея обязательствахъ предъ Россіей, если же она попытается уклониться отъ дѣла снабженія русской эскадры углемъ въ своихъ портахъ, то онъ, Вильгельмъ, согласенъ съ своей стороны пригрозить: «Хотя Делькассе ярый англофилъ (an anglophile enragé), но онъ будетъ достаточно благоразуменъ, чтобы понять, что британскій флотъ совершенно неспособенъ спасти Парижъ». И такимъ-то образомъ и «образуется могущественная комбинація изъ трехъ сильнѣйшихъ континентальныхъ державъ».

Онъ простираетъ при этомъ свою заботливость о русскихъ интересахъ до того, что снова напоминаетъ о необходимости выстроить нѣсколько новыхъ линейныхъ судовъ, чтобы къ моменту окончанія войны располагать значительными силами: «наши частныя фирмы были бы очень рады получить заказы... Увѣряю васъ въ моей абсолютной лояльности. Привѣтъ съ любовью Алисѣ. Вилли». Какъ разъ подоспѣлъ инцидентъ съ случайною стрѣльбою русской эскадры въ гулльскихъ рыбаковъ (въ Доггербанкѣ),—и Николай рѣшительно становится на точку зрѣнія Вильгельма: нужно образовать германо-русское соглашеніе, а когда оно состоится, «Франція обязана будетъ присоединиться къ своей союзницѣ». «Эта комбинація», признается онъ: «часто приходила мнѣ въ голову, она означаетъ миръ и спокойствіе для свѣта. Привѣтъ съ любовью отъ Алисы. Ники» (№ 14). Нечего и говорить, что германскій императоръ мигомъ ухватился, и тотчасъ же отправилъ Николаю проектъ договора! Одновременно, онъ по мѣрѣ силъ раздуваетъ гулльскій инцидентъ (передаетъ вздорные слухи, будто среди рыбачьей флотиліи находился таинственный «чужой пароходъ», слѣдовательно, «тамъ была не чистая, игра», foul play); сообщаетъ о готовящейся будто бы экспедиціи англичанъ въ Афганистанъ; укоризненно говоритъ о стремленіяхъ, замѣчающихся во Франціи и Англіи,

поскорѣе прекратить русско-японскую войну; снова увѣряетъ Николая, что кадры японскихъ войскъ близки къ истощенію и т. д. Вильгельмъ узналъ, между прочимъ, что Англія даже не прочь дать Россіи компенсацію въ Персіи за потерю Манджуріи; но онъ предостерегаетъ русскаго императора, чтобы тотъ не поддавался на это, ибо все равно Англія не подпуститъ Россію къ теплому морю (№ 17). Онъ, напротивъ, старается вдохнуть въ своего корреспондента военный энтузіазмъ. Все это писалось въ ноябрѣ 1904 года, наканунѣ паденія Портъ-Артура, когда еще можно было, въ самомъ дѣлѣ, выйти изъ войны безъ крупнаго ущерба. Во всякомъ случаѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ Мукдена ни о какихъ персидскихъ компенсаціяхъ уже и слуха не могло возникать.

Между тѣмъ, дѣло съ тайнымъ договоромъ, о которомъ съ такимъ жаромъ писалъ Николай еще 16 октября,—задержалось. Русскаго императора взяло, повидимому, сомнѣніе насчетъ того, какъ поведетъ себя Франція, когда ей предъявятъ этотъ сюрпризъ. И вотъ, 10 ноября 1904 г., онъ вдругъ спрашиваетъ Вильгельма, не лучше-ли прежде, чѣмъ подписать договоръ все-таки показать его французамъ? А иначе, вѣдь, «покажется, будто мы хотимъ навязать силою этотъ договоръ Франціи».

Но, вѣдь, все дѣло было именно въ этомъ! Вильгельмъ совершенно справедливо полагалъ, что Франція ни за что не согласится на подписаніе подобнаго договора, если у нея спросятъ заблаговременно ея мнѣнія. Весь успѣхъ затѣяннаго предпріятія покоился на строжайшей предварительной тайнѣ и потомъ на внезапно предъявленномъ требованіи къ французскому правительству, примкнуть къ договору. Императоръ Вильгельмъ спѣшитъ сообщить Николаю II «твердое свое убѣжденіе, что было бы абсолютно опасно увѣдомлять Францію», пока они оба не подписали договора. «Это имѣло бы діаметрально противоположное нашимъ желаніямъ дѣйствіе». Онъ обстоятельно поясняетъ свою мысль. Только абсолютная увѣренность въ томъ, что Вильгельмъ и Николай уже связаны обѣщаніемъ взаимной помощи, можетъ заставить французовъ удержать Англію отъ рѣшительныхъ шаговъ. «Если же Франція будетъ знать, что русско-германскій договоръ только въ проектѣ, но еще не подписанъ, то она немедленно увѣдомитъ объ этомъ своего друга, если не тайнаго союзника, Англію, съ которою она связана «entente cordiale»... «Послѣдствіемъ такого увѣдомленія, несомнѣнно, явится нападеніе двухъ союзныхъ державъ Англіи и Японіи на Германію какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Ихъ огромное морское превосходство быстро справится съ моимъ небольшимъ флотомъ, и Германія временно будетъ преодолена». А это нарушитъ міровое равновѣсіе, къ ущербу и для Германіи, и для Россіи, ибо тогда, къ моменту окончанія русско-японской войны, Россія останется безъ поддержки лицомъ къ лицу съ Японіей и ея «торжествующими друзьями».

Итакъ, «предварительное увѣдомленіе Франціи поведетъ къ

катастрофѣ»! Вильгельмъ согласенъ, ужъ лучше, вовсе оставить это дѣло, — и молчать о всѣхъ этихъ переговорахъ. Дальше въ телеграммахъ упоминается о письмѣ императора Николая къ Вильгельму, о бесѣдѣ германскаго императора съ Шебеко,—но ни письма, ни содержанія бесѣды мы не знаемъ. Повидимому, императоръ Николай опять сталъ обнаруживать колебанія, но на этотъ разъ, уже въ сторону, благопріятную подписанію тайнаго договора. 27 ноября (1904 г.) германскій императоръ телеграфируетъ, что времени больше терять нельзя, и снова настойчиво подчеркиваетъ, что никакая третья держава не должна услышать даже шопота» объ этихъ намѣреніяхъ, пока не будетъ подписана конвенція между обѣими державами касательно снабженія углемъ русской эскадры. Императоръ Вильгельмъ внушительно прибавляетъ, что послѣдствія разглашенія могутъ быть очень опасными, и что онъ вполнѣ надѣется на лояльность Николая. Царь совершенно съ этимъ согласился.

Затѣмъ, въ нашей пачкѣ телеграммъ — большой незаполненный промежутокъ—отъ 29 ноября (12 декабря) 1904 года до 1 февраля 1905 года: ни одной телеграммы за все это время въ нашемъ распоряженіи пока не имѣется,—да и въ телеграммѣ отъ 1 февраля находимъ лишь указаніе на трудности въ снабженіи углемъ эскадры Рожественскаго, идущей на Дальній востокъ. Любопытна телеграмма отъ 26 мая, въ которой Николай II увѣдомляетъ германскаго императора о визитѣ американскаго посла Мейера (относительно прелиминарныхъ переговоровъ о мирѣ), причемъ русскій императоръ упоминаетъ о полученномъ отъ Вильгельма письмѣ съ аналогичными предложеніями.

Нѣсколько телеграммъ (въ іюлѣ 1905 года) относятся къ надѣлавшей въ свое время много шума неожиданной для всей Европы встрѣчѣ обоихъ монарховъ въ Бьоркезундѣ. Нужно только вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ произошло это достопамятное свиданіе. Вильгельмъ II съ весны 1905 года велъ опредѣленно враждебную дипломатическую кампанію противъ Франціи. Его путешествіе въ Танжеръ, демонстративное провозглашеніе нерушимаго суверенитета мароккскаго султана, угрозы въ офиціозной печати германской имперіи,—все это заставило кабинетъ Рувье пожертвовать министромъ иностранныхъ дѣлъ Делькассе, который имѣлъ репутацію рѣшительнаго врага Германіи. Втеченіе всего мая и іюня 1905 года надъ Франціею и ея столицею виталъ призракъ возможнаго нападенія со стороны Германіи. Уступивши предъ неожиданною угрозою, французское правительство дѣятельно готовилось къ дипломатическому отстаиванію своихъ мароккскихъ позицій; и вотъ въ этотъ чрезвычайно хлопотливый моментъ еще далеко неулегшейся тревоги, во Франціи съ изумленіемъ узнали о томъ, что Николай II отправился на личное свиданіе съ германскимъ императоромъ, крейсировавшимъ у входа въ Финскій заливъ. Ничего успокаивающаго въ этомъ извѣстіи для Франціи не было. Толки о фактическомъ распаденіи франко-рус-

скаго союза распространились по всѣмъ европейскимъ канцеляріямъ: до такой степени этотъ визитъ казался непонятнымъ.

Наши телеграммы рисуютъ дѣло такъ: инициатива свиданія исходила отъ Вильгельма, пожелавшаго вдругъ «явиться, какъ простой туристъ» къ царю. Но ясно и то, что Николай принялъ это предложеніе съ полнымъ восторгомъ. Онъ самъ выбралъ мѣстомъ свиданія Бьоркезундъ, такъ какъ «въ эти серьезныя времена» не желалъ удаляться отъ столицы. Оба монарха предупредили другъ друга, что держатъ все дѣло въ полной тайнѣ (Вильгельмъ не сказалъ рѣшительно никому, кромѣ командира своей яхты). Очевидно, опять можно было опасаться помѣхъ и непріятныхъ представленій со стороны Франціи. Германскій императоръ напередъ заявлялъ царю, что имѣетъ для него «весьма важныя новости».

О чемъ говорили монархи въ Бьорке, — это до сихъ поръ остается ихъ тайною. Среди безчисленныхъ догадокъ, заполнявшихъ втеченіе всего іюля 1905 года европейскую прессу, довольно настойчиво распространялась версія о тѣхъ совѣтахъ касательно русскихъ внутреннихъ дѣлъ, какіе будто бы далъ Вильгельмъ Николаю во время этого свиданія. Повидимому, эта версія—правильна. По крайней мѣрѣ, въ первомъ же телеграфномъ привѣтствіи, которое германскій императоръ послалъ русскому послѣ того, какъ они разстались ($^{16}/_{29}$ іюля 1905 г.) Вильгельмъ выражаетъ весьма опредѣленно свое мнѣніе по наиболѣе жгучему вопросу тогдашней русской дѣйствительности: рѣчь идетъ о булыгинскомъ проектѣ Государственной думы.

И вотъ, мы должны совершенно безпристрастно признать, что на этотъ разъ вліяніе, которое пытался оказать Вильгельмъ на колеблющуюся волю своего корреспондента, было вовсе не реакціоннымъ. Германскій императоръ зрѣло обдумалъ вопросъ и далъ весьма разумный совѣтъ, исходя, конечно, изъ стремленія содѣйствовать консолидаціи монархическаго принципа въ Россіи, но при этомъ обнаруживая вполнѣ государственное пониманіе невозможности спасать этотъ принципъ одною только щедростью въ расходованіи патроновъ. «Вы получите отъ меня письмо сегодня. Я смѣю совѣтовать обнародовать булыгинскій проектъ какъ можно скорѣе, такимъ образомъ, чтобы представители русскаго народа были скоро избраны. Пока это будетъ происходить, откроется мирная конференція, и условія станутъ извѣстны обѣимъ сторонамъ. При томъ настроеніи, какое сейчасъ преобладаетъ въ Россіи, раздраженныя массы возложатъ всю отвѣтственность за всѣ невыгодныя послѣдствія (мира) на ваши плечи, а всякій успѣхъ сочтутъ результатомъ личныхъ дѣйствій Витте. Было бы превосходно, если бы въ видѣ первой работы вы бы дали этимъ представителямъ на голосованіе мирный договоръ, послѣ того, какъ онъ будетъ формулированъ,—такимъ образомъ возлагая odium за рѣшеніе на страну и предоставляя русскому народу голосъ въ вопросѣ его собственной судьбы, чего

онъ такъ сильно хочетъ. Результатъ (въ такомъ случаѣ) былъ бы е г о дѣломъ и, слѣдовательно, былъ бы заткнутъ ротъ оппозиціи (would... stop the mouths of the opposition). Привѣтъ съ любовью Алисѣ».

Это—необычайно характерное письмо. Въ немъ—весь Вильгельмъ. Тутъ и вполнѣ искреннее желаніе указать носителю монархической власти разумный выходъ изъ труднаго положенія, и вѣрное пониманіе натуры корреспондента, на котораго лучше всего повліять, указывая ему на непосредственныя личныя выгоды отъ народнаго представительства, и ревнивая, чисто монархическая индивидуальность, даже вчужѣ не желающая, чтобы подданный (Витте) затмилъ собою своего государя.

Но далеко не только о булыгинской думѣ шелъ разговоръ на императорскихъ яхтахъ. Послѣ свиданія въ Бьорке Вильгельмъ уже прямо пишетъ Николаю объ ихъ с о ю з ѣ, объ осуществленномъ между ними договорѣ. Германскій императоръ въ это лѣто много носился съ мыслью объ объявленіи Балтійскаго моря «закрытымъ» для военныхъ флотовъ всѣхъ державъ, кромѣ тѣхъ, берега которыхъ омываются этимъ моремъ. Повидимому, именно въ Бьорке императоръ Николай примкнулъ къ этому плану. Англійское правительство поспѣшило, узнавши объ этихъ предположеніяхъ, послать эскадру именно въ Балтійское море безъ установленныхъ визитовъ и обычныхъ знаковъ офиціальнаго дружелюбія,—и именно послало ее въ Германскія воды. Сообщая объ этомъ Николаю, Вильгельмъ пишетъ: «или Англія встревожена извѣстіемъ о нашей встрѣчѣ, или они желаютъ меня испугать!» Поѣздка германскаго императора въ Копенгагенъ еще болѣе возбудила подозрительность англичанъ, такъ какъ послѣ Бьорке этотъ визитъ производилъ впечатлѣніе готовящагося объединенія прибалтійскихъ державъ. Николай, съ своей стороны находилъ, что визитъ Вильгельма въ Копенгагенъ произошелъ «очень кстати», и надѣялся, что императоръ «будетъ удовлетворенъ результатомъ своихъ бесѣдъ тамъ». Вильгельмъ условился съ Николаемъ, что будетъ говорить съ датскимъ королемъ объ ихъ рѣшеніи насчетъ Балтійскаго моря,—но нашелъ неудобнымъ заговорить объ этомъ: до такой степени,—сообщаетъ онъ Николаю,—датскій король былъ запуганъ, а общественное мнѣніе Даніи встревожено слухами, сѣявшими недовѣріе къ Вильгельму, и шедшими, главнымъ образомъ, изъ Англіи. «Британскій посолъ, обѣдая съ однимъ изъ моихъ лицъ свиты (one of my gentlemen—фамильярный терминъ для обозначенія свитскихъ *Е. Т.*), прибѣгалъ къ очень рѣзкимъ выраженіямъ противъ меня, обвиняя меня въ гнуснѣйшихъ интригахъ и планахъ и объявляя, что каждый англичанинъ знаетъ и убѣжденъ, что я работаю для войны съ Англіею и для уничтоженія Англіи. Вы можете себѣ представить, какія вещи можетъ подобный человѣкъ внѣдрить въ умы датской (королевской) фамиліи, двора и народа. Я сдѣлалъ все зависящее, чтобы разсѣять тучу недовѣрія, ведя себя совершенно просто, и не дѣлая (даже) наме-

ковъ на серьезную политику; принимая также во вниманіе большое количество каналовъ, идущихъ изъ Копенгагена въ Лондонъ и вошедшую въ поговорку нескромность датскаго двора, я боялся дать знать что бы то ни было о нашемъ союзѣ, такъ какъ это было бы немедленно сообщено въ Лондонъ,—а это—самая невозможная вещь, пока договоръ долженъ оставаться секретнымъ.

Послѣ долгаго разговора съ Извольскимъ, во всякомъ случаѣ, я могъ добиться, что нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Рабенъ и много вліятельныхъ лицъ уже пришли къ убѣжденію, что въ случаѣ войны и грозящаго нападенія на Балтику со стороны иностранной державы, датчане ожидаютъ,—такъ какъ ихъ безпомощность и неспособность поддержать даже тѣнь нейтралитета при нашествіи—очевидны,—что Россія и Германія немедленно предпримутъ шаги къ охранѣ своихъ интересовъ, наложивши руку на Данію и занявши ее на время войны. Такъ какъ это явилось бы въ одно и то же время обезпеченіемъ территоріи и дальнѣйшаго существованія династіи и страны, то датчане понемногу подчиняются этой альтернативѣ и настраиваются на этотъ ладъ (and making up their minds accordingly). Такъ какъ это и есть именно то, чего вы желали и на что вы надѣялись, то я подумалъ, что лучше не затрогивать этого предмета (въ разговорѣ) съ датчанами, и воздержался отъ какихъ бы то ни было намековъ, такъ какъ лучше дать этой идеѣ развиваться и созрѣвать въ ихъ головахъ, и предоставить имъ самимъ извлекать конечные выводы, такъ что они, по собственной волѣ, подчинятся побужденію положиться на насъ и идти вмѣстѣ съ нашими двумя странами. Все достается тому, кто умѣетъ ждать» (послѣдняя фраза—по-французски: Tout vient à qui sait attendre).

Въ этомъ письмѣ характерно не только категорическое констатированіе существованія с о ю з а между обоими императорами, но и строжайше личный характеръ всего предпріятія: Извольскій не знаетъ ни о чемъ, и Вильгельмъ какъ бы хвалится предъ Николаемъ, что ему удалось, работая для ихъ общаго дѣла, раздобыть путемъ «долгаго разговора» кое-какія важныя данныя отъ Извольскаго! А рѣчь шла не болѣе и не менѣе, какъ о подготовкѣ войны съ Англіей, причемъ Россія должна была бы выступить вмѣстѣ съ Германіей. Очевидно также, что когда въ Бьорке Вильгельмъ заявилъ о необходимости въ случаѣ войны съ Англіей оккупировать Данію, не смотря на ея нейтралитетъ,—то Николай высказалъ пожеланіе въ такомъ духѣ, что хорошо-бы поговорить предварительно объ этомъ намѣреніи съ датскимъ королемъ. Но Вильгельмъ и тутъ вполнѣ резонно (съ своей точки зрѣнія) пожелалъ сохранить полнѣйшую тайну, разсуждая такъ, что, все равно, при внезапной оккупаціи Даніи, датчане не будутъ въ силахъ оказать сопротивленіе; Николая-же онъ успокоилъ наскоро состряпанными фразами о томъ, что для самихъ же датчанъ, въ сущности, эта оккупація будетъ полезна, и что они якобы, «понемногу» уже и сами привыкаютъ къ этой мысли. Мы видимъ,

что доктрина «Noth kennt kein Gebot» предназначалась къ осуществленію первоначально въ Даніи, а не въ Бельгіи (ибо въ 1905 году имѣлась въ виду война съ Англіей, а не съ Франціей). Какъ бы затѣмъ, чтобы совершенно умиротворить совѣсть своего корреспондента, его новый хотя и тайный, союзникъ пишетъ ему о старыхъ союзникахъ: «Что вы скажете о программѣ празднествъ въ честь вашихъ союзниковъ въ Коусѣ?» (Рѣчь идетъ о торжественномъ братаніи англійскаго и французскаго флотовъ въ іюлѣ 1905 года). «Всѣ крымскіе ветераны приглашены встрѣтиться съ «братьями по оружію», которые вмѣстѣ съ ними сражались противъ Россіи! Въ самомъ дѣлѣ очень деликатно! Это показываетъ, что я былъ правъ, когда я предупреждалъ васъ два года тому назадъ относительно возобновленія старой «Крымской комбинаціи»... Въ отвѣтѣ Николай «горячо благодаритъ за интересныя подробности» и находитъ, что Вильгельмъ прекрасно сдѣлалъ, что ничего не сообщилъ объ ихъ союзѣ. О датскомъ-же нейтралитетѣ и о томъ, что Вильгельмъ объ этомъ не говорилъ ни съ кѣмъ,—русскій императоръ не пишетъ вовсе.

Во всякомъ случаѣ, союзъ, хоть и тайный, на лицо, и въ ближайшее время интересы Николая и интересы Вильгельма совпадаютъ. А потому германскій императоръ рѣшительно стоитъ за двѣ мѣры, которыя, какъ онъ правильно полагаетъ, диктуются прежде всего интересами его друга: за скорѣйшій созывъ Думы и поспѣшное окончаніе проигранной войны съ Японіей. «Мой посолъ», пишетъ онъ 7/20 августа 1905 г., «увѣдомилъ меня только что, что вы приказали опубликовать указъ о созывѣ «Великой Думы» (sic: «Great Duma». *Е. Т.*). Статуты ея, которые должны быть образованы на основаніяхъ, отчасти сходныхъ съ нашимъ Staatsrath'омъ, даютъ ей форму совѣщательнаго учрежденія. Я прошу васъ принять мои самыя горячія поздравленія по поводу этого великаго шага впередъ въ развитіи Россіи. Изъ газетъ я узнаю, что, въ общемъ, мирные переговоры идутъ удовлетворительно, но что есть нѣкоторые пункты, которые, представляютъ кое-какія трудности для соглашенія. Прежде, чѣмъ вы примете ваше окончательное рѣшеніе относительно мира или продолженія войны,—послѣднее будетъ имѣть далеко идущія послѣдствія, которыя трудно предвидѣть до послѣдняго ихъ результата, и будетъ стоить неограниченнаго количества жизней, крови и денегъ,—мнѣ бы представлялось превосходнымъ образомъ дѣйствій, если бы вы подвергли этотъ вопросъ предварительному сужденію Великой Думы. Такъ какъ она представляетъ русскій народъ, то ея отвѣтъ былъ бы голосомъ Россіи. Рѣшилъ бы онъ въ пользу мира,—вы были бы уполномочены націей, заключить миръ на основаніи предложеній, сдѣланныхъ вашимъ делегатамъ въ Вашингтонѣ; и если Россія сама считаетъ, такимъ образомъ, что ея честь не потерпѣла ущерба, то вы можете вложить вашъ мечъ въ ножны со словами Франциска I: tout est perdu fors l'honneur. Никто въ вашей арміи или странѣ или въ остальномъ свѣтѣ не

имѣетъ права порицать васъ за этотъ актъ. Если съ другой стороны Дума сочтетъ, что предложеніе непріемлемо, а японское правительство откажется вести переговоры на другихъ основаніяхъ, тогда опять-таки это Россія устами Думы приглашаетъ васъ, своего императора, продолжать борьбу, беря такимъ образомъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія, на себя самое и защищая васъ разъ навсегда предъ свѣтомъ и предъ исторіею въ будущемъ отъ упрека, что вы пожертвовали тысячами сыновъ Россіи, не спросивши страну, или, даже, противъ ея желанія. Это послужитъ большимъ стимуломъ и придастъ силу вашимъ личнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ вы почувствуете, что воля всего вашего народа васъ толкнула на рѣшеніе бороться до рокового конца, не обращая вниманія на время, потери и лишенія, что является единственнымъ возможнымъ образомъ дѣйствій, если нужно продолжать войну. Я бы на вашемъ мѣстѣ не пропустилъ этого перваго и лучшаго случая войти въ тѣсное общеніе съ чувствами и желаніями вашей страны относительно мира или войны, давая русскому народу давно желанную возможность рѣшить—или принять участіе въ рѣшеніи—своего будущаго, на что онъ имѣетъ положительное право, и предоставляя Думѣ прекрасный случай немедленно начать работать и показать, что она способна сдѣлать, и достойна-ли она тѣхъ ожиданій, которыя всѣ возлагаютъ на нее. Рѣшенія, которыя приходится принять, такъ страшно серьезны въ своихъ послѣдствіяхъ и такъ далеко идутъ, что совсѣмъ невозможно для какого либо смертнаго государя брать отвѣтственность за нихъ только на одни свои собственныя плечи, безъ помощи со стороны своего народа! Да будетъ Господь съ вами! Не забывайте очереднаго производства по гвардіи. Вилли».

Отвѣтъ Николая не менѣе любопытенъ, чѣмъ эта телеграмма Вильгельма. Конечно, онъ обидѣлся: «Il déteste les conseils», сказалъ о немъ одинъ хорошо его знающій французскій политическій дѣятель. Повидимому, ему особенно не понравилось, что Вильгельмъ придаетъ такое серьезное значеніе Думѣ, и что онъ хочетъ, чтобы царь раздѣлилъ съ нею свою отвѣтственность. Во-первыхъ, Николай не сразу отвѣтилъ (что и мотивируетъ участіемъ на маневрахъ въ Красномъ Селѣ); во-вторыхъ, пишетъ: «интересъ, съ которымъ вы относитесь къ будущему созыву Думы, доставляетъ мнѣ большое удовольствіе»; и тутъ же подчеркиваетъ, что это учрежденіе — чисто совѣщательное: «Я вѣрю, что лояльность и здравый смыслъ моего народа серьезно помогутъ въ этомъ совѣщательномъ учрежденіи развитію Россіи». Что касается мира, то онъ невозможенъ, если японцы будутъ настаивать на полученіи хотя бы одного вершка русской территоріи или одного рубля контрибуціи. Личной отвѣтственности онъ, Николай, ничуть не боится. «Вы знаете, какъ я ненавижу кровопролитіе, но все же оно предпочтительнѣе позорнаго мира, когда вѣра человѣка въ себя, въ свое отечество — разбивается въ куски. Можетъ быть, завтра вопросъ будетъ рѣшенъ. Я готовъ принять всю отвѣт-

ственность на себя самого, такъ какъ моя совѣсть чиста, и я знаю, что большая масса моего народа стоитъ за мною. Я прекрасно освѣдомленъ объ огромной серьезности момента, который переживаю, но я не могу дѣйствовать иначе. Благодарю васъ за участіе, которое вы принимаете въ моихъ тревогахъ. Привѣтъ съ любовью отъ Алисы. Ники». Но, вотъ, Вильгельмъ узнаетъ о состоявшемся прелиминарномъ соглашеніи между японскими и русскими представителями. «Я выражаю самыя сердечныя свои поздравленія, что найдено рѣшеніе, позволяющее Россіи выйти изъ войны съ полною честью, и которое во всѣхъ отношеніяхъ воздаетъ должную дань храбрости вашей арміи и вашему постоянству въ отстаиваніи правъ и національной чести Россіи. Я слышалъ, что Японія уступила всѣмъ вашимъ требованіямъ. Президентъ Рузвельтъ,— я слышалъ,—дѣлалъ почти сверхчеловѣческія усилія, чтобы побудить Японію уступить. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ великое дѣло для вашей страны и для всего свѣта, тѣмъ болѣе, что, какъ я слышалъ отъ него, Англія положительно отказалась пошевелить пальцемъ, чтобы помочь ему побудить ея союзниковъ японцевъ уступить его предложеніямъ. Еще разъ — искреннѣйшее поздравленіе. Я радъ, что оказался способенъ быть вамъ кое-въ-чемъ полезнымъ въ это время. Привѣтъ съ любовью Алисѣ».

Когда Витте возвращался изъ Портсмута, Вильгельмъ просилъ Николая, чтобы тотъ разрѣшилъ ему посѣтить проѣздомъ Берлинъ, такъ какъ германскій императоръ намѣренъ былъ наградить его орденомъ за торговый договоръ Россіи съ Германіей. Царь согласился. За два дня до ожидаемаго пріѣзда Витте, 11/24 сентября 1905 г., Вильгельмъ спрашиваетъ царя (о Витте): «Освѣдомленъ ли онъ о нашемъ договорѣ? Могу ли я сказать ему объ этомъ, если онъ не освѣдомленъ?» Николай отвѣтилъ: «До сихъ поръ увѣдомлены относительно договора вел. кн. Николай, военный министръ, начальникъ генеральнаго штаба и Ламсдорфъ. Ничего не имѣю противъ того, чтобы Вы сказали о немъ Витте». Рѣчь идетъ о тайномъ «союзномъ» договорѣ, заключенномъ лично между обоими монархами. Характерно, что до подписанія этого тайнаго договора Вильгельмъ настаивалъ на строжайшемъ секретѣ, а Николай предлагалъ подѣлиться этою тайною (съ французами); послѣ подписанія, — и когда для германскаго императора стало уже ясно, что царь не хочетъ этотъ договоръ пустить внезапно въ ходъ для давленія на Францію,—Вильгельмъ, очевидно, пришелъ къ заключенію, что, если такъ, то все же хоть какая нибудь польза отъ тайной сдѣлки можетъ быть реализована только если объ ея существованіи будетъ кое-кто знать.

Что касается Николая, то, послѣ окончанія войны, когда онъ уже нѣсколько менѣе нуждался въ Вильгельмѣ, онъ какъ будто сталъ задумываться относительно того, что скажутъ французы, когда узнаютъ объ его новомъ, тайномъ союзѣ съ германскимъ императоромъ? По крайней мѣрѣ, 29 сентября 1905 г. Вильгельмъ

считаетъ своевременнымъ отправить своему другу длинную телеграмму, въ которой дѣлаетъ всѣ усилія, дабы умиротворить слишкомъ чуткую совѣсть своего друга. Оказывается, что выработка условленнаго въ Бьорке договора нисколько не противорѣчитъ франко-русскому союзу, «конечно если только онъ не направленъ прямо противъ» Германіи. «Съ другой стороны, о б я з а т е л ь с т в а Россіи относительно Франціи могутъ идти лишь настолько далеко, насколько Франція заслуживаетъ этого своимъ поведеніемъ». А между тѣмъ, оказывается, что Франція, по авторитетному мнѣнію германскаго императора, не заслужила, чтобы Николай считался съ нею! Она оставила Россію въ трудную минуту, «въ то время какъ Германія помогала вамъ всѣми путями, насколько это было возможно безъ нарушенія законовъ нейтралитета. Это морально тоже налагаетъ на Россію обязательства относительно насъ: do ut des». Кромѣ того, Франція желала «среди мира» внезапно напасть на Германію, соединившись съ Англіей. И когда? Какъ разъ когда Вильгельмъ изо всѣхъ силъ старался помочь Россіи, союзницѣ Франціи! «Это—экспериментъ, который она не должна болѣе повторять, и противъ повторенія коего—я долженъ ждать—что вы защитите меня. Я вполнѣ съ вами согласенъ, что побудить Францію присоединиться къ намъ обоимъ будетъ стоить времени, труда и терпѣнія, но разумные люди въ будущемъ съумѣютъ заставить себя выслушать и п о ч у в с т в о в а т ь». Во всякомъ случаѣ, уже и сейчасъ этотъ тайный бьоркезундскій договоръ приноситъ благіе результаты, Франція и не зная о немъ, его ч у в с т в у е т ъ: «Наше марокканское дѣло улажено къ полному удовлетворенію, такъ что расчищена атмосфера для лучшаго соглашенія между нами». Словомъ, договоръ въ Бьорке столь хорошъ, что религіозный Вильгельмъ поминаетъ даже имя Господне по его поводу: «Нашъ договоръ—очень хорошая основа для того, чтобы на немъ строить (дальше). Мы соединили наши руки и подписали его предъ Богомъ, который слышалъ наши обѣты». Вильгельмъ признаетъ за Николаемъ право внести извѣстныя измѣненія или оговорки (напр., въ случаѣ абсолютнаго отказа Франціи примкнуть къ договору),—но пока эти оговорки не представлены Николаемъ и не приняты Вильгельмомъ, до той поры,—настойчиво подчеркиваетъ германскій императоръ, договоръ д о л ж е н ъ соблюдаться. А между тѣмъ, «вся ваша вліятельная пресса—«Новое Время», «Русь» и др. уже двѣ недѣли какъ стали рѣзко анти-германскими и англофильскими (pro-british). Отчасти, онѣ подкуплены большими суммами англійскихъ денегъ, несомнѣнно». Во всякомъ случаѣ, это тягостно дѣйствуетъ на германскій народъ. Вообще, времена стоятъ неспокойныя, нужно ясно выбрать линію поведенія. И снова увѣренія, что договоръ не противорѣчитъ, въ сущности, франко-русскому союзу, и снова Господь Богъ: «Что подписано, то подписано! И Богъ—нашъ свидѣтель!» Обычный best love Алисѣ заканчиваетъ эту патетическую телеграмму.

Дѣло было не только въ газетныхъ статьяхъ, — и уже съ октября 1905 г. Вильгельмъ какъ будто начинаетъ замѣчать признаки начинающагося англо-русскаго сближенія. Подозрительнымъ окомъ слѣдитъ онъ за поѣздкою Бенкендорфа изъ Лондона въ Данію—по вызову находившейся тамъ Маріи Ѳеодоровны. Всюду императоръ видитъ руку «великаго творца злыхъ козней», the great mischiefmaker, т. е. дяди Берти, какъ его называютъ переписывающіеся любящіе родственники: англійскій король Эдуардъ VII начинаетъ своею тѣнью закрывать предъ Вильгельмомъ чуть не пол-горизонта.

Николай старается увѣрить императора, что на него, царя, «ничто не въ состояніи повліять, кромѣ интереса безопасности и чести его страны», увѣряетъ, что Бенкендорфъ «лояльный подданый и дѣйствительный джентльменъ» и не можетъ никогда пойти ни на какія интриги. Вильгельмъ сообщаетъ царю о «разоблаченіяхъ Делькассе» (т. е., конечно, о появившихся въ газетахъ извѣстіяхъ, что Делькассе получилъ въ бытность свою министромъ обѣщаніе Англіи произвести высадку на континентѣ въ случаѣ войны между Германіей и Франціей. Николай, съ своей стороны, политично указываетъ на отрицательное вліяніе газетныхъ интервью Бюлова (вѣроятно, тутъ намекъ на вдохновляемую тогда канцлеромъ Бюловымъ газетную кампанію относительно Франціи, какъ «заложницы» Англіи: канцлеръ заявлялъ, что войны Германіи съ Англіей одинъ на одинъ—не будетъ, ибо въ такой войнѣ Германія ничего не можетъ выиграть — если же Англія нападетъ на Германію, то Германія нападетъ на Францію, и на сушѣ обильно вознаградитъ себя за всѣ потери на морѣ). Вообще, полемика начинаетъ все болѣе проглядывать въ телеграфной перепискѣ императоровъ. Николай что-то очевидно, писалъ Вильгельму о Таттенбахѣ (германскомъ представителѣ въ Марокко, очень рѣзко боровшемся противъ французскаго вліянія въ этой странѣ). Вильгельмъ отвѣчаетъ (въ ноябрѣ 1905 г.), что свѣдѣнія Николая о Таттенбахѣ—неточны. Удостовѣряя, что изъ за Марокко не нужно тревожиться, Вильгельмъ въ то же время обращаетъ вниманіе царя на опасность предпринимаемой Франціею и Англіею морской демонстраціи противъ Турціи, ибо это раздражитъ мусульманскій міръ,—и опять съ порицаніемъ напоминаетъ о «крымской комбинаціи», т. е. объ англо-французской entente. Спустя нѣсколько дней, 19 ноября, Николай благодаря за письмо (пока до насъ не дошедшее), считаетъ долгомъ телеграфировать: «нашъ союзъ съ Франціей—оборонительный», и говоритъ дальше о какой то посылаемой имъ декларацiи, которая должна остаться въ силѣ, пока Франція не приметъ «нашего новаго соглашенія». Въ чемъ тутъ дѣло — неясно, пока у насъ нѣтъ дополнительныхъ документовъ и, прежде всего, писемъ обоихъ монарховъ, которыми они обмѣнивались въ эти же дни. Телеграмма кончается увѣреніемъ, что Николай сдѣлаетъ все отъ себя зависящее, чтобы довести марокканскую конференцію

до выработки общаго соглашенія. На этомъ обрывается имѣющаяся у насъ телеграфная переписка 1905 года.

Телеграммы, относящіяся къ 1906 году и немногочисленны, и, сравнительно, не столь значительны по своему содержанію, какъ депеши 1904 и 1905 гг. Да и общій духъ и тонъ корреспонденціи какой то другой. Ласковыя послѣднія строчки, best loves Алисѣ и т. п.—остались, а самая душа дружбы куда-то испарилась. Есть коротенькія увѣдомленьица,—нѣтъ прежнихъ интимныхъ разговоровъ и совѣтовъ. Наиболѣе ранняя дата пачки 1906 года—10 іюня. Увѣдомляя Вильгельма объ отставкѣ Ламсдорфа и замѣнѣ его Извольскимъ, царь считаетъ долгомъ извиниться, что долженъ пользоваться услугами Извольскаго не въ Берлинѣ, въ качествѣ посла, а въ Петербургѣ въ качествѣ министра. Вильгельмъ успокаиваетъ его: онъ, Вильгельмъ, хорошо понимаетъ резоны царя. Это любопытно, если принять во вниманіе болѣе позднія чувства рѣшительной вражды и антипатіи, которыя питалъ и питаетъ въ настоящее время германскій императоръ къ Извольскому. О роспускѣ первой Государственной думы Николай впервые сообщилъ Вильгельму лишь за четыре дня до самого событія, 6 іюля 1906 года, и то только вслѣдствіе необходимости мотивировать отмѣну своего обѣщаннаго визита. «Вы знаете», пишетъ онъ: «какъ я ждалъ нашей встрѣчи въ первые дни августа Но дѣла оборачиваются такъ серьезно, что я рѣшился въ непродолжительномъ времени разогнать (to disband) Думу. Я увѣренъ, вы поймете, что при такихъ обстоятельствахъ я не могу покинуть мою страну. Съ искреннимъ сожалѣніемъ я долженъ отложить свой визитъ къ вашимъ берегамъ на извѣстное время. Невольное откладываніе еще увеличиваетъ мое нетерпѣніе видѣть васъ. Привѣтъ съ любовью отъ насъ обоихъ». Вильгельмъ отвѣтилъ на другой же день, 7 іюля: «Я глубоко скорблю, что мы не можемъ встрѣтиться, но вполнѣ понимаю причины, которыя препятствуютъ вамъ покинуть вашу страну въ этотъ моментъ. Я горячо надѣюсь, что мы сможемъ встрѣтиться позже, въ болѣе спокойныя времена. Да будетъ съ вами Богъ и да хранитъ онъ васъ. Привѣтъ съ любовью Алисѣ. Вилли». Въ послѣдней строкѣ какъ будто — намекъ на безпокойство за Николая, стоявшаго тогда предъ однимъ изъ самыхъ роковыхъ рѣшеній своей политической жизни. Но, такъ какъ Вильгельма не спрашиваютъ, что онъ думаетъ о предстоящемъ роспускѣ Думы, то онъ и не считаетъ, очевидно, умѣстнымъ хоть одно слово сказать по этому поводу. Точно также сдержанно, лаконично и строго оффиціально звучитъ и телеграмма Вильгельма (отъ $^{3}/_{16}$ августа 1906 г.) о визитѣ англійскаго короля, и отвѣтъ Николая по этому поводу. Первый находитъ, что дружескія отношенія между Германіей и Англіей благодѣтельны не только для этихъ двухъ странъ но и для всего міра,—второй совершенно съ этимъ мнѣніемъ согласенъ; и оба удѣляютъ этимъ своимъ мыслямъ по пяти строкъ. Всѣ подобныя банальности, умѣстныя въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ

производятъ курьезное впечатлѣніе, когда пересылаются въ зашифрованномъ видѣ, и когда ни посылающій, ни получающій явственно не вѣрятъ ни единому звуку ихъ. Особенно это странно читать послѣ длинныхъ, конспиративныхъ посланій Вильгельма къ царю въ 1904—1905 гг., когда онъ создавалъ анти-англійскую комбинацію на континентѣ и готовилъ закрытіе Балтійскаго моря, а тотъ же «дядя Берти» отправлялъ въ видѣ угрозы свой флотъ къ германскимъ берегамъ. «Я обрадованъ этимъ результатомъ визита дяди Берти», пишетъ, съ своей стороны, Николай. Въ этой крутой перемѣнѣ тона рельефно сказываются быстрые успѣхи начавшагося послѣ Портсмутскаго мира англо-русскаго сближенія. Прежняя интимная откровенность относительно Англіи сдѣлалась для Вильгельма уже невозможной. Да и многое прежнее стало, очевидно, невозможнымъ. Что-то оборвалось навсегда: Еще менѣе богаты содержаніемъ три телеграммы, относящіяся къ 1907 году. Въ первой (изъ Травемюнде, $^{17}/_{30}$ іюня 1907 года) Вильгельмъ благодаритъ царя за намѣреніе пріѣхать въ Свинемюнде на свиданіе 6 августа, и только проситъ, если возможно, измѣнить эту дату и прибыть 3-го августа; во второй (отъ 18 іюня) Николай соглашается на это предложеніе; въ третьей (предположительно помѣченной 2 августа 1907 года) Вильгельмъ увѣдомляетъ о новомъ свиданіи своемъ съ англійскимъ королемъ: «Встрѣча съ дядею Берти удовлетворительна. Дядя въ хорошемъ расположеніи и настроенъ миролюбиво. Видимо подъ вліяніемъ македонскихъ дѣлъ (въ подлинникѣ неразборчивое слово въ фразѣ: visibly impressed by the.... in Macedonia), считаетъ необходимыми солидарныя представленія въ Аѳинахъ. Спрошенный королемъ относительно настоящаго состоянія Россіи, я былъ счастливъ увѣдомить его, что я слышалъ отъ васъ, что все идетъ хорошо, роспускъ-же думы вами является такимъ самымъ актомъ, какъ роспускъ португальскаго парламента его кузеномъ Карлосомъ». Рѣчь шла о роспускѣ второй Государственной Думы. Замѣчу, кстати, что въ германской прессѣ въ тѣ годы неоднократно сравнивали Карлоса съ Николаемъ, а португальскаго министра Франко, спеціализовавшагося на борьбѣ противъ народнаго представительства, со Столыпинымъ. Когда Карлосъ былъ убитъ, когда Франко бѣжалъ, когда впослѣдствіи преемникъ Карлоса былъ низвергнутъ, и пала монархія въ Португаліи, эти параллели—по крайней мѣрѣ въ консервативной прессѣ—прекратились. Престолъ Романовыхъ тогда казался неизмѣримо крѣпче, чѣмъ престолъ послѣдней линіи Браганца.

Таковы эти телеграммы, сохранившіяся въ бумагахъ походной канцеляріи. При всей ихъ бѣглости и отрывочности, онѣ, какъ уже было выше отмѣчено, привносятъ кое-какія очень интересныя черты и недостававшіе штрихи въ картину русско-германскихъ отношеній временъ русско-японской войны и ближайшихъ дней послѣ ея окончанія. Въ настоящее время я имѣю

всѣ основанія утверждать, что современемъ возможнымъ окажется дать гораздо болѣе полную документальную характеристику этихъ отношеній за все время царствованія императора Николая II. Несомнѣнно, и годы 1904—1906 будутъ освѣщены гораздо полнѣе, чѣмъ это возможно было бы сдѣлать на основаніи уцѣлѣвшихъ (или, точнѣе, пока найденныхъ) телеграммъ, которыя тутъ предлагаются вниманію читателя. Во всякомъ случаѣ, уже изъ содержанія этихъ телеграммъ можно сдѣлать нѣсколько выводовъ: 1) императоръ Вильгельмъ очень серьезно разсчитывалъ въ 1904 — 1905 гг. образовать германо-франко-русскій союзъ противъ Англіи. 2) Средствомъ осуществленія этой комбинаціи онъ считалъ предварительное заключенія тайнаго договора между нимъ и Николаемъ,—и, затѣмъ, воздѣйствіе, путемъ прямого давленія, на французское правительство («спасать Парижъ»). 3) Николай II не рѣшился на доведеніе этой комбинаціи до логическаго ея конца, предусмотрѣннаго Вильгельмомъ, и, заключивши тайный договоръ съ германскимъ императоромъ, все же не согласился пустить въ ходъ этотъ договоръ, какъ средство устрашенія Франціи; такимъ образомъ договоръ (или, даже, с о ю з ъ, какъ выражается Вильгельмъ) между обоими императорами остался въ строгой тайнѣ. 4) Послѣ свиданія въ Бьорке германскій императоръ, на основаніи соглашенія съ царемъ, принялся за реализацію своей давнишней мечты объ объявленіи Балтійскаго моря закрытымъ, но, натолкнувшись на препятствія со стороны датскаго двора и правительства и на угрожающую позицію, занятую англичанами, удовольствовался лишь рѣшеніемъ, въ случаѣ войны съ Англіею, просто, оккупировать своими войками нейтральную Данію, чтобы получить этимъ упрощеннымъ и ускореннымъ путемъ всѣ тѣ выгоды, которыя не желала ему предоставить Данія добровольнымъ присоединеніемъ къ тайной русско-германской комбинаціи. О своемъ планѣ нарушить нейтралитетъ Даніи императоръ Вильгельмъ, какъ мы видѣли, прямо и сообщилъ царю, своему тайному союзнику, не вызвавши этимъ со стороны послѣдняго ни малѣйшихъ возраженій. 5) Что касается области русской внутренней политики, то Вильгельмъ является, разумѣется, приверженцемъ принципа сильной монархіи, но приверженцемъ разумнымъ, понимающимъ опасность положенія Николая, и желающимъ искренно эту опасность уменьшить; самъ же Николай нисколько этой опасности не учитывалъ, и даже съ нѣкоторой похвальбою давалъ понять Вильгельму въ отвѣтъ на его серьезные и дѣльные совѣты, что вовсе не желаетъ раздѣлить съ кѣмъ бы то ни было свою отвѣтственность. Нужно обратить вниманіе, что Вильгельмъ съ удареніемъ называетъ членовъ Государственной Думы (даже булыгинской) представителями русскаго народа, желаетъ, чтобы имъ было дано право голосовать мирный договоръ съ Японіей, подчеркиваетъ, что русскій народъ совершенно правъ, если желаетъ имѣть голосъ по вопросу о собственной участи; а Николай, какъ мы знаемъ,

въ это же лѣто 1905 года выражалъ желаніе, чтобы Дума называлась не «Государственной», а «государевой», т. е. именно стремился принизить даже съ внѣшней стороны ея самостоятельность и авторитетность. Вильгельмъ понималъ, что Дума можетъ принести пользу Николаю, взявши на себя часть его отвѣтственности; Николай этого не понималъ, не желалъ и, вообще, не боялся за себя такъ, какъ за него боялся Вильгельмъ, глубже и серьезнѣе смотрѣвшій на вещи. Еще одну черту нужно отмѣтить: въ 1904 году русско-японская война нужна Вильгельму, и онъ всячески раздуваетъ и поддерживаетъ пламя пожара; лѣтомъ 1905 года эта война ему уже ненужна, напротивъ, у него есть надежда, при возвращеніи Россіи къ европейскимъ дѣламъ, вовлечь ее въ орбиту своей анти-британской политики. И онъ сообразно съ этимъ дѣйствуетъ: по мѣрѣ силъ препятствуетъ миру въ 1904 году, когда миръ еще возможенъ для Россіи на сравнительно мягкихъ условіяхъ, и всецѣло поддерживаетъ въ 1905 году усилія Рузвельта, хотя миръ послѣ Мукдена и Цусимы уже гораздо болѣе тягостенъ для его корреспондента. Вообще, Вильгельмъ рисуется въ этой перепискѣ дѣятельнымъ, безпокойнымъ, зоркимъ дипломатомъ, заботящемся и о большомъ, и о маломъ, помнящимъ о великодержавныхъ задачахъ Германіи, но не забывающимъ кстати ввернуть словечко и о томъ, что германскія частныя фирмы «съ удовольствіемъ» получили-бы заказъ на русскія линейныя суда. И чувствуется, что это удовольствіе частныхъ фирмъ въ полной мѣрѣ будетъ раздѣлено германскимъ императоромъ.

Самый слогъ телеграммъ Вильгельма особый; твердыя, законченныя фразы, ясные доводы, точныя цѣли, никакой расплывчатости, гдѣ можно—ласка, гдѣ нужно—угроза. А съ той стороны: да, согласенъ, очень счастливъ, узналъ съ радостью, совершенно вѣрно, желаю пріятнаго путешествія etc.; и все же, при безспорномъ вліяніи сильной индивидуальности на болѣе слабую, не было, вѣроятно, ни одного момента, когда Вильгельмъ могъ-бы окончательно положиться на эту внѣшне-податливую, но внутренне-упорную, самолюбивую, ускользающую натуру.

Бумаги министерства иностранныхъ дѣлъ, надъ которыми въ настоящее время работаетъ пишущій эти строки, даютъ болѣе обильный матеріалъ для исторіи сношеній обѣихъ имперій за остальное время царствованія Николая II. Но эти пока публикуемыя телеграммы, которыя царь оставилъ въ своей походной канцеляріи, не передавая ихъ въ архивъ министерства, настолько важны и характерны, и носятъ настолько рѣзко выраженный индивидуальный отпечатокъ, что представляется умѣстнымъ опубликовать ихъ теперь же. Да и моментъ былъ особеннымъ, уже не повторявшимся въ исторіи отношеній обоихъ монарховъ. Текстъ печатается въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ расшифрованъ, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника. Корректуру любезно взялъ на себя м-ръ Горольдъ Вильямсъ.

1.

From Kiel the 16-th of June 1904.

Sa Majesté L'Empereur.

Uncle Albert's visit going of course well. — He is very lively and active and most kind.—His wish for peace is quite pronounced, and is the motive for his liking to offer his services wherever he sees collisions in the world.—The weather is simply disgusting.—Best love to Alice.—Sympathize sincerely with Your fresh losses of ships and men.

(signed) Willy.—A. of A.

2.

From Nordfjordeidet, the 20-th of June 1904.

Sa Majesté L'Empereur.—Péterhof.

Condole with You at death of Count Keller, a brave soldier and gentleman. Have communicated date fixed by You to My brother in law; he will of course report himself te You.—Perhaps My cousin ot Hohenzollern will watch the Japan troops on their side.—We have fine weather here.—Best love to Alice.

(signed) Willy.

3.

From Péterhof the 21-st of June 1904.

Sa Majesté L'Empereur d'Allemagne Nordfjordeidet.

Thank You for Your condolence.—Saw M-r Witte who reported the conclusion of the treaty with Count Bülow. Hope You are enjoing Your cruise.—Have inspected all the troops of the first army corps.—Best love from both.

(signed) Nicky.

4.

From Molde the 5 of July 1904.

Sa Majesté L'Empereur.

A Russian steamer calling itself a cruiser „Smolensk" has stopped the German Lloyd's steamer „Prince Henry" and carried off the whole of the post bags containing correspondence to Japan.—This act, a violation of international law, will create great surprise and disgust in Germany; considering the friendly feeling shown to Russia by our country, and if repeated will, I fear, contribute to considerable reduce the sympathy still cherished for Your country by Germany.

(signed) Willy.

5.

From Péterhof the 7-th of July 1904.

Sa Majesté L'Empereur.—Berlin.

Excuse Me for answering so late but having come back from an inspection of the 22-d division, I had no time to write sooner.—I regret

this excess and trop de zèle of the „Smolensk".— Measures shall be taken to prevent similar cases occuring.—Would be too sad if one episode were to spoil the excellent relations existing between our countries.— I took Your aide-de-camp Count Lambsdorff with me.—Your Wiborg regiment presented itself very well.—I told them I was sure they would show themselves worthy their Colonel in Chief.

(signed) Nicky.

6.

From Drontheim Hohenzollern the 8-th/21-st of July 1904.

Péterhof. Sa Majesté L'Empereur.

Best thanks.—Quite satisfied.—Hope My regiment wilful to behave well.—Best love to Alice.

(signed) Willy.

7.

From Drondheim the 10-th/23-d of July 1904.

Péterhof.—Sa Majesté L'Empereur.

I have just heard from Hamburg Line that Russian „cruiser" has carried off their steamer „Scandia" under Russian officers and crew to unknown destination.—This act is an open violation of international sea law, and is nearly adequate to piracy.—I think it high time that the captains of the so-called cruisers should receive instructions warning them to refrain from commiting such acts as the above, as they are able to bring about international complications.

(signed) Wilhelm.

8.

From P é t e r h o f the 11-th/24-th of July 1904. Drondheim.

Sa Majesté L'Empereur.

Orders have already been given to captains to refrain from stopping ships, but it is not easy to transmit them instructions while they cruise about.—Steamer „Scandia" shall be immediately released on her arrival at first port.—During this war we learned that enormous quantities of controband was being shipped from Europe to Japan.—Naturally out of a feeling of self defence we wanted to put a stop to it.— I hope You will see from this that there was not the slightest idea in Russia of provoking any bitter feeling in Germany.—Once more I regret very much what has happened.

(signed) Nicky.

9.

From Drondheim the 11-th/24-th of July 1904, at 8 o'cl. 20 m. evening.

Péterhof. Sa Majesté L'Empereur.

Sincerest thanks.—News of the release of „Scandia" will eminently help to relieve feeling of concern and anxiety which was settling on the country especially on the commercial part of Germany.—May

You soon have good news from the front.—Best love to Alice.—Very cold weather here.

(signed) Willy.

10.

From Hubertustock the 8-th of October/25-th of September 1904 at 6 o'cl. 25 m. aftern.

Réval.—Sa Majesté L'Empereur.

The colonel of My Wiborg regiment telegraphed to Me the fact of Your kind acknowledgement of their bravery by the despatch of a large number of decorations; as Chief I venture to thank You heartily for this act, and to express My pleasure at the valiant behaviour of the Wiborgs! I see by the papers that the fleet are for target practice at the well known ranges near Reval where We passed such delightful days.—I hope they will learn their duty soundly, and introduce telescopic sights, which the japaneses have on their guns, but were wanting in the Port-Arthur fleet.—I suppose that when the ice sets in, the fleet will establish their base at Libau, or near Danish coast in the Kicege bay for instance, for their steam tactics and squadron drill, which is a very practical place in winter.—So that when the spring comes they will be ready for the march to the East, knowing their leader, their ships and their guns; and then reestablish the Russian supremacy on the sea. — I am, as every man in My country is, — full of enthusiastic admiration at brave Stoessel, his gallant garnison, may God help them to hold out! The vessels in the harbour are of course the main attraction for the japaneses.—I hope they will make a try for the japanese fleet, and if they manage to run down or smash, or damage the 4 line of battle ships left to Japan, though they themselves may perish too, they will have done their duty: shattering the strength of the japaneses seapower, and preparing the way for the Baltic fleet's victorious succes on its arrival, in winning easely against a damaged antagonist, unable to repair his ships or build new ones in time. — Then the sea power is back in Your hands and the japaneses land forces are at Your mercy; then You sound the „general advance" for Your army, and the enemy! Hallali! Schebecko just brought Your letter, when I was finishing My telegram.—Many hearty thanks. I have already given every order that Hamburg--America line is in no way to be hampered, but has free scope to do what they like. It is very sensible to keep the squadron here till the ships are thoroughly „seasoned" and till all units are ready to go out together.—There is no doubt that the appearence of a strong, fresh fleet, with m a n y n u m b e r s — though some may be older ships—will do well and decide the day in Your favour; the main point is that the ships in Port-Arthur must make for the japanese and try to sink, ram or damage as many ships as they can, so as to prepare the ground for the Baltic fleet, which on arrival will only have to finish that rest of the hostile ships off.—Also I think it would be practical for You to begin ordering line of battle ships to be built, with private firms, as the japanese have done in England.—

So that when in a year or two the negociations for peace begin, You can dispose of a fresh reserve to impose Your will and make yourself independent of foreign intervention.—Best love to Alice.

(signed) Willy.

11.

From Neues Palais the 8-th/19-th of October 1914.

Tzarskoé Sélo.—Sa Majesté L'Empereur.

I have information from good source that former japanese minister at Petersburg, Kurino, has reappeared in Europe.—He is in Paris and seems to be authorized to try to get France and England—l'entente cordiale!—to mediate in favour of Japan for peace.—It seems also as if the Chinese were being pushed forward by Japan to offer to mediate on their part too.—This shows that Japan is nearing the limits of its strength in men and money, and now that they have gained advantages over the Mandschurian army, they fancy that they can stop now and try to reap the fruits of their efforts by enticing other powers to mix themselves in the matter and to get at Mandschuria, by peace-conference. As I know Your ideas on the further developement of the war, and that after a severe reverse You will of course never lend a hand to such a proceeding, I thought it My duty to inform You of what seems going on behind the scenes. — I think the strings of all these doings lead across the channel.

(signed) Willy.

12.

From Tzarskoé Sélo the 10-th of October 1904.

Neues Palais.—Sa Majesté L'Empereur.

Having been out shooting I could not answer Your interesting telegram earlier. — Many thanks for the imformation about Japan's activity in some european countries. — I heard about it also but I can not quite make out whether the strings of these doings lead across the Channel or perhaps the Atlantic. You may be sure that Russia shall fight this war to the end until the last Jap is driven out of Mandschuria only then can come the talk about peace negociations and that solely between the two belligerents.—May God help us.—Hearty thanks for Your loyal friendship which I trust beyond anything.

(signed) Nicky.

13.

From Neues Palais the 14-th/27-th of October 1904. at 4 o'cl. 28 m. night.

Tzarskoé Sélo.—Sa Majesté L'Empereur.

For sometime english press has been threatning Germany, on no account to allow coals to be sent to Baltic fleet now on its way out. It is not impossible that the japanese and british governement may lodge a joint protest against our coaling Your ships coupled with a „sommation" to stop further work. The result aimed at by such a threat

of war would be the absolute immobility of Your fleet, and inability to proceed to its destination from want of fuel.—This new danger would have to be faced in community by Russia and Germany together, who would both have to remind Your ally France of obligations she has taken over in the treaty of dual alliance with You, the „casus foederis".— It is out of the question that France, on such an invitation, would try to shirk her implicit duty towards her ally. Though Delcassé is an anglophile „enragé", he will be wise enough to understand that the british fleet is utterly unable to save Paris. — In this way a powerful combination of 3 ot the strongest continent powers would be formed, to attack whom the anglo-japanese group would think twice before acting.—The plaints of England against our coaling russian ships are all the more frivol, as England since the beginning of the war—after making a present of two ironclads „Nishin" and „Kassuga" under british officers and crews to Japan — has constantly supplied the japanese fleet with their coals, selling them no less than 30 steamers. — The naval battles fought by Togo are fought with Cardiff coals.—It would of course be much more agreable for us if the british were wise and remembering all this, left us alone and in peace. But never will I for a moment receede before unjust threat. I am sorry for the mishap in the North sea. If the fleet are afraid of night attacks, I think the use of the search lights alone would suffice to guard the ships from being surprized if all the lights are turned on the sectors outside the fleet.— The use of guns—especially in European waters—should be restricted as much as possible. My news from London say that the press and mob make a noise, the Admiralty some fuss, but that governement, court and society look with greatest calm at the event as an unhappiness, arising from the great nervousnes. — I have sure news from Italy that the Terni shipbuilding trust (Terni, Odero, Orlando) are building 3 surfeit seagoing ironclads of 12.000 tons each, for a foreign unnamed power—probably Japan; reminds Me of My former suggestion that You ought not to forget to order new ships of the line also, so as to be ready with some of them when war is over. They will be excellent „persuaders" during the peace negociations; our private firms would be most glad to receive contracts. I have attached Lambsdorff to Your suite and Person, as You kindly did with Shebeko for Me. I am deeply sensible for Your kind appreciation of My action towards You and Russia, and assure You can always rely on My absolute faithful loyalty.—Best love to Alice.

(signed) Willy.

14.

From Tzarskoé Sélo the 16-th/28-th of October 1904.

Neues Palais.—Sa Majesté L'Empereur.

Your telegram comes at a very serious moment. — I thank You heartily for it.—Of course You know the first details of North sea incident from our admiral's telegram. Naturally it changes completely the character of the event. I have no words to express my indignation

with England's conduct. It seems that the continental powers, in similar cases, have to confront the danger of her public opinion overhwelming a more reasonable attitude of her governement. The latter has to follow the wishes of the country, makes risky steps and sends thundering notes with quite unacceptable conditions. — That is tne consequence of acting on the spur of the moment! —Today I ordered Lamsdorff to send to my London Ambassador a proposition to subject the whole question to an international commission of enquiry as laid down in the Hague Conference protocole.—I agree fully with Your complaints about England's behaviour concerning the coaling of our ships by german steamers whereas she understands the rules of keeping neutrality in her own fashion. — It is certainly high time to put a stop to this. — The only way as You say would be that Germany, Russia and France should at once unite upon an arrangement to abolish anglo-japanese arrogance and insolence. — Would You like to lay down and rame the outlines of such a treaty and let me know it.—As soon as accepted by us, France is bound to join her ally. This combination has often come to my mind, it will mean peace and rest for the world.— Best love from Alix.

(signed) Nicky.

15.

From Neues Palais the 17-th/30-th of October 1904 at 9 o'cl. evening.

Tzarskoé Sélo.—Sa Majesté L'Empereur.

Best thanks for telegram. Have sent letter, including draft of treaty You wished for, off by Imperial fieldjaeger this evening.—Heard from private source that Hull fishermen have already acknowledged that they have seen foreign steamcraft among their boats, not belonging to their fishing fleet, which they knew not! So there has been foul play! I think the british embassy in Petersburg must know these news, whereto are kept from the british public till now, for fear of „blamage".—Best love to Alice.

(signed) Willy.

16.

From Neues Palais the 2-d/15-th of November 1904 at 4 o'cl. 33 min. afternoon.

Sa Majesté L'Empereur—Tzarskoé Sélo.

From reliable source in India I am secretly informed that expedition „à la Thibet" is being quicky prepared for Afghanistan. It is meant to bring that country for once and all under british influence, if possible direct suzerainty. The expedition is to leave end of this month. The only nót english European in Afghanistan service, the director of the arms manufactury of the Emir, a German gentleman, has been murdered, as „préambule" to the action! The losses of the japanese before Port-Arthur are according to My informations 50 thousand men; consequently they are beginning to get tired of the war, as they loose too many men. This has made them ask in Paris

and London for mediation, and that is why these two powers let their press renew the ventilation of the probabilities of their being able to mediate. Japan hopes to get Port-Arthur and Mandschuria from them, by help congress. — Am preparing answer to Your kind letter, which I trust will meet Your wishes. Best love to Alice.

(signed) Willy.

17.

From Neues Palais the 6-th/19-th of November 1904 at 10 o'cl. 33 min. morning.

Tzarskoé Sélo.—Sa Majesté L'Empereur.

Lambsdorff leaves tonight with letter. My statements about India in last telegram are corroborated by the speech of Lord Selborne who alluded to Afghanistan question. I hear from trustworthy private source, that authorities in Tokio are getting anxious at the future outlook of the war. They have expressed their mortification at not having gained a real success ad Liaoyang considering enormous loss of men, because they were without any fresh reserves. The steady pouring in of fresh battalions from Russia is quite far beyond their expectations, as tqey never thought the Siberian railway capable of keeping up the transports unremitingly. They begin to see, in consequence, that though they are at an end with their cadres, and especially officers, Your army is daily increasing in strength, men and striking power, and that the scales of war are slowly but surely turning against them. A Japanese general went so far to say: „the soup we have cooked, we must now eat it up!" My suspicions accordingly, that the japaneses are trying secretly to get other power to mediate because they are now at the height of their successes have proved correct. Lansdowne has asked Hayashi to intimate to England the conditions upon which Japan would conclude peace. They were telegraphed from Tokio, but were so preposterous that even blustering Lansdowne thought them too strong and urged Hayashi to tone them down. When they made a wry face and difficulties, Lansdowne added „of course England will take good care, that a mediaeval Russia will be kept well out of Mandschuria, Korea, etc., so that de facto Japan will get all she wants!" That is the point the British have in their eye when they speak of friendship and friendly mediation. France, as I hear from Japan, is allready informed of these plans, and of course a party to this arrangement, taking—as usual in the new „entente cordiale"—the side of England. They are going to offer You a bit of Persia as compensation, of course far from the shore of the gulf—ça va sans dire—which England means to annex herself fearing You might access to the warm sea, which You must by right, as Persia is bound to fall under Russian control and government. This would give lither a splendid commercial opening, which England wants to debar You from. Probably Your diplomatists will have reported all this to You before, but I thought nevertheless it My duty to inform You of all I knew, all of which are

authentical serious news from absolutely trustworthy sources. Lansdowne's words are authentical too. So You see the future for Your army is brightened up and soon You will be able to turn tables upon the enemy. May God grant You full success, while I continue to watch everywhere for You. Best love to Alice.

(signed) Willy.

18.

From Tzarskoé Sélo the 7-th/20-th of November, 1904 at 7 o'cl 50 m. evening.

Neues Palais. Sa Majesté L'Empereur.

Count Lamsdorff brought Me to day Your very kind and most interesting letter.—Accept My heartiest thanks also for Your telegram of yesterday, which brought Me much information. In a very few days I will send You My answer and I hope this affair shall be settled soon to our mutual benefit.—Alix sends You best love.

(signed) Nicky.

19.

From Tzarskoé Sélo the 10-th/23-rd of November 1904 at 12 o'cl. 30 min. day.

Neues Palais. Sa Majesté L'Empereur.

Before signing the last draft of treaty I think it advisable to let the French see it. As long as it is not signed one can make small modifications in the text; whereas if allready approved by Us both it will seem as if we tried to enforce the treaty on France.—In this case a failure might easily happen, which I think is neither Your wish.—Therefore I ask Your agreement to acquaint the Governement of France with this project and upon getting their answer shall at once let You know by telegraph.

(signed) Nicky.

20.

From Tzarskoé Sélo the 10-th/23-rd of November 1904 at 12 o'cl. 30 min. a. p.

Neues Palais. Sa Majesté L'Empereur.

Hearing that the Emperor of Austria has written to You about an arrangement signed between Russia and Austria, I think it My duty to inform You also from My side. Wishing to s t r e n g t h e n Our efforts in keeping peace and tranquility in the Balkan affairs according to the agreement of 1897, the Emperor and I resolved to sign a secret declaration for the observation of a loyal and strict neutrality in case one of the Empires should be in a state of war, alone and without provocation on its part, with a third country, the latter wishing to endanger the existing status quo. Naturally this declaration does not concern any small Balkan country and it will last as long as Russia and Austria continue their policy of peace in southeastern Europe. Kno-

wing Your efforts for preserving general peace I am sure this agreement shall meet Your sympathy and kind consideration.

(signed) Nicky.

21.

From Moschen b. Kujau, the 13-th/26-th of November 1904 at 9 o'cl. 33 min. morn.

Tzarskoé Sélo. Sa Majesté L'Empereur.

Best thanks for telegram. You have given Me a new proof of Your perfect loyalty by deciding not to inform France without My agreement. Nevertheless it is My firm conviction that it would be absolutely dangerous to inform France before We both have signed the treaty; it would have an effect diametrically opposed to Our wishes. It is only the absolute sure knowledge t h a t W e are both b o u n d by t r e a t y to lend each other mutual help, that will bring the French to press upon England to remain quiet and keep the peace, for fear of France's position being jeopardized. Should however France know that a Russian-German treaty is only projected, but still unsigned, she will immediately give short notice to her friend (if not secret ally) England, with whom she is bound by «entente cordiale» and inform her immediately. The outcome of such information would doubtless be an instantaneous attack by the two allied powers England and Japan on Germany in Europe as well as in Asia. Their enormous maritime superiority would soon make short work of My small fleet and Germany would be temporarily crippled. This would upset the scales of the equilibrium of the world to Our mutual harm, and later on when You begin Your peace negociations, throw Y o u a l o n e on the tender mercies of Japan and her jubilant and overwhelming friends. It was My special wish—and as I understood Your intention too—to maintain and strengthen this endangered equilibrium of the world through expressly the agreement between Russia, Germany and France. That is only possible if Our treaty becomes a f a c t b e f o r e; and if We are perfectly d'accord under any form. A previous information of France will lead to a catastrophe!— should You notwithstanding think it impossible for You to conclude a treaty with Me, without the previous consent of France, then it would be a far safer alternative to abstain from concluding any treaty at all. Of course I shall be as absolutely silent about Our pourparlers as You will be, in the same manner as You have only informed Lamsdorff, so, I have only spoken to Bülow, who guaranted absolute secrecy. Our mutual relations and feelings would remain unchanged as before, and I shall go on trying to make Myself useful to You as far as My safety will permit. Your argreement of neutrality was communicated to Me by the Emperor of Austria, and I thank You for Your telegram doing the same, I think it very sensible and it has My fullest approval. Best love.

(signed) Willy.

22.

From Tzarskoé Sélo the 15-th/28-th of November 1904 at 10 o'cl. night.

Sa Majesté L'Empereur. Neues Palais.

Best thanks for telegram. In answer to it shall send You a letter with explanations on the matter. I think a letter is safer than having to cipher long telegrams, which may attract unnecessary attention. I remain strongly of opinion that We shall come soon to a complete conformity of views on this question, which interests Us both so much. Best thanks for Your frank and kind conversations with Schebeko that he reported to Me.

(signed) Nicky.

23.

From Neues Palais the 27-th of November (10-th of December) 1904 at 10 o'cl. 22 min. evening.

Tzarskoé Sélo.—Sa Majesté L'Empereur.

Your letter of the 7-th, for which best thanks, has just crossed Mine of same date. We must n o w b e f o r e a l l come to a permanent agreement about coaling question. This question becomes d a i l y more and more urgent. To day again serious news has reached Me from Port-Said and Cape-Town; there is now no time to be lost any more. No third power must hear e v e n a w h i s p e r about Our intentions before We have concluded the convention about the coaling business, the consequences otherwise would be most dangerous. I of course place full reliance in Your loyalty.

(signed) Willy.

24.

From Tzarskoé Sélo the 28-th of November (11-th of December) 1904 at 5 o'cl. 5 min. a. m.

Neues Palais.—Sa Majesté L'Empereur.

Hearty thanks for Your letter. Fully agree that both Our Governements m u s t n o w c o m e to a permanent understanding upon coaling question. Lamsdorff was to see Alvensleben this morning. You may f u l l y r e l y on My loyalty and on My wish to arrive at a speedy settlement of this serious question.

Nicky.

25.

From Tzarskoé Sélo the 29-th of November (12-th of December) 1904 at 7 o'cl. 45 min. a. m.

Neues Palais.—Sa Majesté L'Empereur.

I have ordered My Minister of Foreign Affairs to hand over to Count Alvensleben a note declaring My complete acquiescence to Your wish concerning the coaling question. Happy to report this to You.

(signed) Nicky.

26.

Upon enquiring into the coaling business, I learnt that two agents of the Hambourg—America line are now in Petersbourg to negociate about the sale of the coaling ships, but that your people refuse to buy, pretending that they have no spare crews to man the colliers. This cannot be true and I suppose that the wish to have peace at any price is uppermost in the minds of the parties who plead impossibility. For surely a few hundred sailors, with officiers and engineers to match, might be taken from the Black Sea squadron which has got to remain inactive any way — and send directly by steamer through the Suez Canal to Madagascar. They might be installed on board of the colliers long before the 3-d squadron arrives in Madagascar, for which Rojestwenski will have to wait any way, if he would avoid defeat, the second squadron being inferior to the Japanese naval forces. It is lucky for You that the French have at all times, even against their own interests during the German war, maintained the point of naval law that belligerent vessels may remain in a neutral port for any length of time and without disarming. Thus the French Governement are fully entitled to let the second squadron remain in Madagascar until the arrival of the 3-d. The Russian crews for the colliers would therefore have ample time to reach Nossibe and to install themselves on board. The new manning of the colliers will give Rojestw. legitimate motive for staying in Nossibe until he is reinforced by the 3-d squadron. If any body were to advise you to let Rojest. attack the Japanese before the arrival of reinforcements You might ask that party whether he is ready to take upon himself the responsability for the result.

Willy.

27.

Berlin Sa Majesté l'Empereur.

Admiral Rogestvensky wired yesterday for the third time that two Hamburg-America line coaling ships have not yet recieved orders from their Company to follow further to Madagascar under German flag. The agreement concerning money guarantees against war risk has been settled with the Company through Mendelsson bank, but the Hambourg America-Company fears to give orders before getting instructions from the Chancellor. Would You kindly give the necessary permission without which the further sailing of the squadron becomes entirely impossible.

Nicky.

28.

Berlin 2/15 Février 1905. 12 ч. 55 м. по пол.

I told you with beginning of this couling-business that I should do nothing to prevent. I can give no instructions whatever with regard to it because it is a private enterprise. The Hamburg-America line know the situation and must act on their own responsability. From this point of view I have ordered now to let Ballin know once men

by wire that as far myself and my Governement he is at liberty to act as he thinks fit, of course at his own risks.

Willy.

29.

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne Berlin.

Micha came back to day enchanted with your kindness and hospitality. He repeated to me everything You wished him to tell him. The day after Your letter came the american ambassador Mr. Meyer asked to see me. I received him yesterday. He was instructed by the president to lay the proposition which You had written to me about. I agreed on condition that the fullest secrecy be kept until Japan gave her consent to open with us preparatory negociations. Of course if her demands were unreasonable the discussing would be broken off. Best love from both.

Nicky.

30.

Шведскій портъ въ Ботническомъ заливѣ сѣвернѣе Стокгольма около 100 миль бл. Вары.

I shall shortly be on my return journey, aud cannot pass across entrance of the Finnish sea without sending You best love and wishes. Should it give You any pleasure to see Me—either on shore or Your yacht—of course am allways at Your disposal. I would come as simple tourist, without any fêtes.

31.

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne Hernoesand.

Delighted with your proposition. Would it suit you to meet at Bjoerkesund near Viborg a pleasant quiet place living on board our yachts? In these serious times I cannot go far from the Capital. Of course our meeting will be quite simple and homely. Looking forward with intense pleasure to see you.

Nicky.

32.

From Nyland the 7-th (20-th) of July 1905 at 1 o'cl. 25 m. p. m.

Most happy. Would it suit you if I arrived at your anchorage—Bjoerkesund—on Sunday (10-th) 23-rd evening? My yacht draws 6 and half mêtres water; would be thankful for a trustworthy pilot, to lead us through the entrance. Please to communicate where you will anchor. Have kept the whole matter quite secret, so that My gentlemen on board even know nothing; also at home nobody informed. Am so delighted to be able to see you. Hope You will not be disturbed by My Nordland's Gessellschaft who always accompany Me since 15 years. Best love.

Willy.

33.

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne Nyland.

Shall be Sunday 10-th (23-d) aflernoon at Bjoerkesund. Have given orders about trustworthy pilot. Place of anchorage will be between the islands of Bjoerke and Kavitza. Till now have kept our planned meeting secret. So happy to see you. Wish you a smooth passage. Best love.

Nicky.

34.

From Nyland the 8-th (21-st) of July 1905 at 1 o'cl. 26 m. p. m.

Most obliged. Expect to arrive on-rd (10-th) at 7 evening. Please let pilot meet us off Hochland. Nobody has slightest idea of meeting; only My captain, who is ordered to keep absolute secrecy. All my guests under impression of going to Visby in Gothland. Am overjoyed at seeing You again. Have most important news for You. The faces of My guests will be worth seeing, when they suddenly behold your yacht! A fine lark! Tableaux! Which dress for the meeting.

Willy.

35.

S. M. l'Empereur d'Allemagne Nyland.

Steamer with pilots shall await your arrival at south end of island Hochland 10-23 July at sunrise. Micha will accompany me. Best love.

Nicky.

36.

From „Danzig" the 16-th (29-th) of July 1905 at 1 o'cl. 28 min. p. m.

My Wife sends many compliments and thanks for your kind telegram. Reuter telegrams, this morning announce cruise of british Channel fleet to Baltic and looking in at Our ports, w i t h o u t paying visits of ceremony! Either England is anxious on account of Our meeting, or they want to frighten Me! This will lend more weight to My conversation at Copenhagen. You will receive letter from Me to day. I venture to advise promulgating the Bouliguine bill as soon as possible So that the representatives of Russian people be elected soon. Mean while till that has taken place, the peace conference will have been opened and the conditions become known for both sides. With the actual spirit prevailing in Russia, the disaffected masses would try to place the whole responsability for all disadvantageable consequences on your shoulders, and the successes as results on Wittes personal manage. It would be excellent as a first task for these representatives, if you gave them the treaty of peace after it has been formulated, to vote upon; thus leaving the o d i u m of the d e c i s i o n to the c o u n t r y and thereby giving the Russian people a voice in the matter of their own prosperity, which they so much wish for. The outcome, would be t h e i r work and therefore stop the mouths of the opposition. Best love to Alice.

Willy.

37.

Sa Majesté l'Empereur. Danzig.

I was deeply touched by your kind letter and thank you for telegram. Have also heard about British Channel fleet's projected appearance in the Baltic.

Your visit to Copenhagen comes in very good time. Hope you will be pleased with result of your conversations there. Shall impatiently await short notice from you about visit. Best love to Victoria from both. Wish you success.

Nicky.

38.

From Sassnitz (ile of Rügen) the 2 of Aug. 22-d of July 1905 at 1 o'cl. night.

Visit passed off well, under extreme kindness shown to Me by whole family, especially by your dear old grandfather. After My arrival I soon found out through reading the press-reports—Danish and foreign—that a very strong current of mistrust and apprehension had been gendered against My visit, especially from England, the King had been so intimidated and public opinion so worked upon, that I was unable to touch the question We had agreed, I has to mention to Him. The British Minister, dining with one of My gentlemen, used very violent language against Me, accusing Me of the vilest plans and intrigues, and declaring, that every englishman knew and was convinced, I was working for a war with and for destruction of England. You may imagine, what stuff a man like this, may have been distilling into the minds of the Danish family, court and people. I did all in My power to dispell the cloud of distrust by behaving quite unconcernedly and making no allusion to serious politics at all; also considering the great number of channels leading from Copenhagen to London and the proverbial want of discretion at the Danish court, I was affraid to let anything be known about Our alliance, as it would immediately have been communicated to London; a most impossible thing as long as the treaty is to remain secret for the present. By a long conversation with Isvolsky however, I was able to gather that the actual Minister of foreign affaires count Raben and a number of persons of influence have already come to the conviction that in case of war and impending attach on the Baltic from the foreign power, the Danes expect—their inability and helplessness to uphold even the shadow of neutrality against an invasion being evident—that Russia and Germany will immediately take steps to safeguard their interests by laying hard on Danemark and occupying it during the war. As this would in the same time guarantee the territory and future existence of dynasty and country, the Danes are slowly resigning themseves to this alternative and making up their minds accordingly. This being exactly what You wished and hoped for, I thought it better not to touch the subject with the Danes and refrained from making any allusions; as it is btter toe

let the idea develope and ripen in their heads, and to let them draw the final conclusions themselves, so that they will on their own accord be moved to lean upon Us and fall in line with Our two countries. „Tout vient à qui sait attendre".

The question about Charles going to Norway has been arranged, up to the smallest detail, England having consented to everything and there is nothing to be done any more. I talked with Charles about his prospects and found Him very sober and without any illusions about his task.

What do You say to the programme of festivities for Your allies at Cowes? The whole of the Crimean veterans have been invited to meet former „brothers in arm", who fought with them against Russia! Very delicate indeed! It shows I was right when I warned You two years ago of reforming of old „Crimean combination" they are fast warming up again with a vengeance.

Weather was fine. Best love to Alice.

Willy.

39.

Sa Majesté l'Empereur. Sassnitz.

Thank you warmly for intersting details. Glad your visit went off well. You were quite right in not letting anything be known about our alliance. As the question about Charles going to Norway is settled. I inderstand that nothing can be done. Am waiting for report from Isvolski about question of Danish neutrality in its last phase. Best love from Alexandrine.

Nicky.

40.

From „Wilhelmshöhe" the 7-th (20-th) of August 1905 at 11 o'cl. 34 min. morning.

My ambassador just informed me that You have ordered the decree to be published which renders to convocation of „Great Duma". The statutes to be formed on lines somewhat similar to our „Staats Rath" giving it the form of „consultative body". I beg you to accept My warmest congratulations for this great step forward in the development of Russia. By the papers I gather that in general the peace negociations are going on satisfactorily; but that there are some points which offer some difficulty to agreement. Before you take your final decision for peace or continuation of war—latter will be of far reaching consequence, difficult to foresee to the utmost result, and will cost unlimited lives, blood and money—I should fancy it an excellent procedure if you were to submit this question to the „Great Duma" first... As it represents the people of Russia its answer would be the voice of Russia. Should it decide for peace, You are empowered by the nation to conclude peace on the proposals submitted to your delegates at Washington; and if thus Russia itself thinks that its honour is not impaired, You can return your sword to its scabbard with

*

the word of Francis I „tout est perdu fors l'honneur!" Nobody in your army or country or in the rest of the world has a right to blame you for this act. If on other hand the „Duma" thinks the proposal unacceptable, and the Japanese governement refuse to treat on other basis, then again it is Russia that through the voice of the „Duma" i n v i t e s you its Emperor to continue the fight; thus taking the full r e s p o n s a b i l i t y for the whole of the consequence on i t s e l f and shielding you once for all before the world and history in the future from the reproach that you have sacrified thousands of Russia's sons without asking the country or even against their wishes. This will lend your personal action a grand stimulus and strength, as you will feel yourself borne by the will of the whole of your people decided fight to the bitter end, regardless of time, losses and privations, which is the only possible way to proceed, if the war is to continue. I would in your place not miss this first and best opportunity to decide into to close touch with your country's feelings and wishes about peace or war, giving the Russian people the long wished for opportunity to decide or take part in the decision relating to its future—which it has a positive right to—and also of giving the „Duma" immediatly a fine opportunity to work and to show what is able to do, and whether it comes up to the expectation everybody puts into it. The decisions which are to be taken are so terribly earnest in their consequences and so far reaching that it is quite impossible for any mortal sovereign to take the responsability for them alone on his shoulders without help of his people! May God be with you! Do not forget the line avancement vis-à-vis of the Guard.

Willy.

41.

Wilhelmshöhe, Sa Majesté l'Empereur.

Accept my warmest thanks for your kind telegram which touched me deeply. I could not answer you before being occupied with manoeuvres in the neighbourhood of Krasnoe Selo. The interest You take in the future convocation of the „Duma" gives me great pleasure. I believe that the loyalty and good sense of my people will be a serious help for the developement of Russia in this consultative body. For the last three months I have thought much about the question of peace or war. I receive daily telegrams, letters, adresses etc. begging me not to conclude peace on hard terms. There are two points upon which every good Russian agrees to continue the fight to the end if Japan insists on them: not an inch of our territory, not one rouble of war indemnity. And these are precisely the terms which the Japanese do not want to give way in. Nothing either will i n d u c e m e to consent to these two demands. Therefore there is no hope for peace for the present. You know how I hate bloodshed, but still it is preferable to an ignominious peace, when the faith in oneself, in one's fatherland, would be scattered to pieces. Perhaps to morrow this question will be decided. I am ready to carry the whole responsibility m y s e l f, my

conscience being cleare, and knowing the great bulk of my people backing me up. I am perfectly aware of the immense seriousness of the moment I am living in, but I cannot act otherwise. Thank you for the interest you take in my troubles. Best love from Alix.

Nicky.

42.

Изъ замка Rominten 11 сент. 12 ч. 20 м. д.

Sa Majesté l'Empereur.

By your kind order Witte will be here on 26-13 m. Is he informed of our treaty? Am I to tell him about it if he is not? Best love to Alix; killed four stags here, nothing especially big, weather cool and fine. Waidmanns Heil!

43.

Sa Majesté l'Empereur Rominten.

Till now the Grand Duke Nikolas, the war minister, the chief of General staff and Lamsdorff are informed about treaty. Have nothing against your telling Witte about it. Enjoying my stay on the Polar Star, dry fine weather. Best love from Alix. Waidmanns Dank.

Nicky.

44.

Изъ Homburg Schloss 4 сент. 9 ч. 30 м. утр.

Witte is, as I hear, on his return journey. Would you allow him to visit me „en passant" on his way to Russia? As I intend decorating him on account of the corning into existence of the treaty of commerce, which he concluded last year with Bülow. Happy cruise! Our maneuvres most interesting in lovely country, but very wet! Best love to Alix.

Willy.

45.

Cablegrams from Washington brought me news of the agreement of the Conference on preliminairies of peace, by which the final conclusion of peace is, it seems, at last guaranted. May I express my most heart-ful compliments that a solution has been found, which enables Russia to emerge with full honor out of the war; and which pays tribute in every respect to the gallantry of your army as your constancy in vindicating Russia's rights and national honor. I hear Japan has conceded all your demands. President Roosevelt, I hear, has made nearly superhuman efforts to induce Japan to give way. He has really done a great work for your country and the whole world. The more so as I heard from him, that England positively refused to budge a finger to help him in working upon their allies the Japanese to give way to his demands. Once more sincerest compliment I am glad if I have been able to of any use to you in this time. Best love to Alix.

41.

Изъ Gluckburgostsee, 29 сентября.

The working of treaty does not—as we agreed at Bioerkö –collise with the Franco—Russian alliance,—provided of course the latter is not aimed directly at my country. On the other hand the o b l i g a t i o n s of Russia towards France, can only go so far as France merits that through her behaviour. Your ally has notoriously left you in the lurch during the whole war, whereas Germany helped you in every way as far as it could, without infringing the laws of neutrality. That puts Russia morally also under obligations to us; do ut des. Meanwhile the indiscretions of Delcassé have shown the world, that though France is your ally she nevertheless made an agreement with England and was on the verge of surprising Germany with British help in the middle of peace, while I was doing my best to you and your country h e r a l l y. This is an experiment, which she must not repeat again and against a repetition of which I m u s t e x p e c t y o u t o g u a r d m e. I fully agree with you that it will cost time, labour and patience to iuduce France to join us both, but the reasonable people, will in future make themselves heard and felt! Our Maroccoan business is regulared to entire satisfaction, so that the air is free for better understanding between us. Our treaty is a very good base to build upon. We joined hands and signed b e f o r e G o d w h o h e a r d o u r v o w s. I therefore think that the treaty can well come into existence.

But if you wish any changes in the works or clauses or provisions for the future or different emergencies—as for instance the absolute refusal of France which is improbable—I gladly await any proposals you will think fit to lay before me! Till these have been layed before me and are agreed upon, the treaty must be adhered to by us as it is. The whole of your influential press Nowosti, Nowoie Wremja, Russj, etc. have since a fortnight become violently antigermans and pro-british. Partly they are bought by heavy sums of british money no doubt. Still it makes my people very chary and does great harm to the relations newly growning between our countries. All these occurences show that times are troubled, and that we must have clear courses to stear; the treaty we signed is a means of keeping straight, without interfering with your alliance as such. What is signed is signed! and God is our testator! I shall await your proposals. Best love to Alix.

Willy.

42.

Sa Majesté l'Empereur Glücksburg Hohenzollern 30 сент. 8¾ утра.

As Fritz Leopold arrives on Sunday to present himself after having been under fire on several occasions may I decorate him with the St. Georges cross of 4-th class? General Linievitch reported to me about his coolness and excellent behaviour in several affairs in May last. Best love.

Nicky.

43.

Императорскій Телеграфъ въ Александріи. Телеграмма № 3 28 словъ. Подана въ Kiel 13 Octobre 1905 г. 1 ч. 45 м. по п. Получена въ Péterhof 30 Septembre (ст. стиля) 1905 г. 4 ч. 15 м. по п.

Sa Majesté L'Empereur.

Most touched and thankful for your kind intention. I envy him this coveted decoration; best love. Horrible weather.

Willy.

44.

Изъ Neues Palais 15 октября 2 ч. 27 м. дня.

So glad to know my brother in law back from war under your roof. Many thanks once more for the great honor of St. George cross! it seems that the archmischiefmaker of Europe in London is at work again. The revelations of Delcassé notwithstanding which terribly compomised him and his Governement, as planing war against our friendly nation in peace! Like brigands in a wood! He has sent Benkendorff—your ambassador—to Copenhagen on a clandestine mission to your mother with the instructions to win her over to influence you for a policy against me! The foreign office in London knows about his journey, which is denied at your Embassy there. I may of course be misinformed, but the extraordinary behaviour of England leads me to think that it cannot do harm to inform you at all events. It is peculiar that your ambassador should lend himself to such tricks; as they are bound to be found out, there by creating fresh excitement, of which I think we had quite enough lately. Best love, weather horrible.

Willy.

45.

Sa Majesté l'Empereur—Neues Palais 4-17 Октября 1905.

Best thanks for your telegrams. Benkendorff by My permission as My Mother invited him to come as a friend of the Danish family. What sort of conversation went on I certainly do not know. But I can resolutely assure you that nothing can influence me except the interest safeguard and honour of My country! Benkendorff is a loyal subject and a real gentleman. I know he would never land himself to any false tricks even if they came from the great mischie maker himself. Delcasse's revelations are extraordinary but I think Bullow's conversations with some newspaper correspondents have not helped much to clear up the situation. I shall write to you soon. Fritz Leopold looks brown very well. Best love from both.

Nicky.

46.

Sa Majesté l'Empereur Homburg.

Very kind of you to wish to see Witte and decorate him. Are enjoying our cruise have luckelyine fcoolerth wea Best love from all.

Nicky.

47.

From Neues Palais 13-26 November 1905.

Thanks for letter. Shall reply after hearing chancellor. Your information about Tattenbach incorrect. He has acted „en concert" with his friend colleague the whole time and they have both left Fez a while ago. I quite agree that complications should by all means be avoided in or near Europe. There is no fear of any arising in or about Marocco. But Macedonia and the Balcans are much more dangerous; and the naval demonstration against Turkey in this moment may lead to most inexpected consequences, should the „amour propre" of the Islamitic world resent the pressure brought to bear upon their master The work of the „Crimean Combine" is to be detected here.

Willy.

48.

Послана 19 ноября 1905 г. Neues Palais. Sa Majesté l'Empereur.

Best thanks for your kind letter that gave me great pleasure.—Our allince with France is a defensive one. I think the declaration I sent you could remain in force until France accepts our new agreement. I will certainly do all in My power to bring the Marocco conference to a general understanding. Best love from us both.

Nicky.

49.

Послано 25 ноября 1905. Berlin. Sa Majesté l'Empereur.

Flügel-adjutant Schebecko must receive a new nomination. I propose to replace him by colonel Tatischeff of My Guard-Hussards. He was a long time with uncle Wladimir has been often in Berlin, speaks very good German. I intend to promote him general of the suite on My namesday and with your approval to attach him to your person. At the same time I would like to know whether you find it necessary. We should again name special military attaches, except Lambsdorff and Tatischeff. Best love from Alix.

Nicky.

50.

From Neues-Palais, 30-th of November (13-th of December 1905 at 8 o'clock 20 min. morning.

Colonel Tatischeff you propose to attach to My person shall be welcome. Respecting your question about the special military attachés, besides those „à la suite" of our respective persons, I think it practical they should be created. Formerly it was always so. It places the p e r s o n a l attachés in too precarious and difficult positions, if they are to do their „trade" in the same time they are in the staff of the sovereigns. They must be reserved for t h i s h o n o r a l o n e and only gather and transmit loyally the offical military or confidential informations they receive from the sovereign, or by the s o v e r e i g n's

permission from the official military authorities. They must be persons of blameless character, upon whom the sovereigns can implicitly rely and enjoy the fullest confidence of the officiers, of the respective Imperial Headquarters, to whom they are to belong. This implied that they should have nothing whatever to do with the usual „trade" of the simple military agent. Werder's position with your Grandfather is a good example how it ought to be. Best love to Alix.

Willy.

51.

Berlin Sa Majesté l'Empereur.

With the change of ministry count Lamsdorff is leaving and I intend to replace him by Iswolsky. I am very sorry not to be able to keep him for Berlin but need his services now here am sure You will understand it. Have come over to Peterhof as real summer weather has set in. Saw Tatischeff today who gave me Your kind messages. Best love from both.

Nicky.

NB. Отвѣтъ на эту телеграмму послѣдовалъ June 10-th/April 27-th 1906. (*Приписано тутъ-же. Е. Т.*).

52.

June 10-th 1906 from Strasbourg at 6 o'cl. 45 m.

Peterhof Sa Majesté l'Empereur.

Thanks for informations about Iswolsky, which I quite understand. Also here summer has set in, all chestnuts and lilas are in full bloom and the air is very warm. Best love to Alix.

William.

53.

You know how I was looking forward to our meeting in the first (days) of August. But things are becoming so serious that I have decided to disband the Douma shortly. I am sure You will understand that in these circumstances I cannot leave my country. With sincere regret I have to put off my visit to Your shores for a certain time. This unvoluntary postponement makes my impatience to see You grow. Best love from both.

NB. Отвѣтъ на эту телеграмму послѣдовалъ 7 іюля 1906 г.

54.

From Hamburg (Trondhjem) the 7-th/20-th of July 1906 at 10 o'cl. 55 min.

I deeply deplore that We cannot meet, but fully understand Your reasons that prevent Your leaving Your country in this moment. I fervently hope that We may meet later on in quieter times. God be with You and preserve You. Best love to Alice.

Willy.

55.

From Wilhelmshöhe, 3/16 of August 1906 at 6 o'cl. 52 m. evening.

Uncle Bertie's visit has passed off most satisfactorily. He is looking well and seems to be in good spirits. We both agreed that the maintenance of friendly relations between Our two countries is not only a blessing for them, but also for all other nations. I most sincerely hope that the exchange of views between uncle Bertie and Myself, which all go towards the confirmation of the world's peace, might be of benefit to You and Your great Empire.

Willy.

56.

Wilhelmshöhe—4 августа 1906.

I express my warmest thanks for Your kind telegram.

The maintenance of friendly relations between Germany and England is an absolute necessity for the world. I am pleased about thes result of uncle Bertie's visit.

Nicky.

57.

S. M. L'Empereur Berlin 23 авг. 1906.

Having received Tatisheffs's report about Your opinion of Boris presence of war army manoeuvres I recall him from the frontier. Fondest love.

Nicky.

58.

From Travemuende, the 17/30 th of June 1907 at 11 o'cl. 25 m. night.

I received by Tatishew Your kind proposal to come to Swinemuende about the sixth of August, leaving Peterhof the fourth. I am very thankful for this intention, but if it were possible for You to arrive already the third I should prefer this day, as I have already fixed an inspection programme for Myself begining with the sixth of August, which can not be changed without arousing public attention. I also heard by captain Hintze that You were able to come between the twenty-third of July and the fourteenth of August and so I hope the third will not be inconvenient to You. Please let me know if the third suits You. Then I shall propose by captain Hintze particulars for Our Meeting, to which I look forward with heartfelt expectation.

William.

59.

Sa Majesté L'Empereur. Travemuende. Петергофъ 11 ч. 30 м. веч. 18 іюня/1 іюля 1907 г.

Agree with pleasure to arrive on the third of August new style. For me also it is most convenient. Shall be thankful for particulars sent through Hintze. Wish You a smooth agreable cruise in the north.

Nicky.

60.

Wilhelmshöhe 15/2 Août 1907 подана въ 2 ч. 15 м

Meeting with uncle Bertie satisfactory. Uncle in good humour and peacefully disposed. Visibly impressed by the ... in Macedonia, thinks joint remonstrances in Athenes necessary. When asked by the king about the actual state of Russia I was happy to inform him that I heard by You that all went well, the dismissal of the Duma by You being the same act as the dismissal of the portuguese parliament by his cousin Carlos. After several rainy days we have since yesterday beautifull weather and made yesterday a morning auto-drive through the silent woods of the neighbourhood. Hope so much You found Alix in good health, best love to her.